

Лора Красновская

*Подари
ему
ЖИЗНЬ*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лора Красновская

Подари ему жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67472684

SelfPub; 2022

Аннотация

Странная встреча студентки и молодого хирурга перерастает в бурный роман, однако ему не суждено долго просуществовать. Расставаясь, молодые люди и не подозревают, что уже связаны на всю оставшуюся жизнь. Рита и Борис пытаются построить новые отношения, но судьба вновь сталкивает их. Кажется, что кроме ребёнка их ничего не связывает, но желание вспыхивает с новой силой. Смогут ли герои пройти через все испытания, которые подбрасывает им судьба?

Содержит нецензурную брань.

Лора Красновская

Подари ему жизнь

1

– Ритка, что с тобой? – испуганно вскрикивает Наташа, глядя на подругу, которая медленно оседает вдоль стены.

– Не знаю... Больно! – Рита схватилась за живот, тут же она почувствовала тошноту.

Наташа, видя, что подруге очень плохо, попытается поднять её, но не хватает сил, она оглядывается, недалеко стоят одноклассники, девушка громко вопит:

– Да помогите же!

Ребята, услышав Наташин призыв, бросаются помогать девчонкам.

Приехала скорая, забрала Риту в больницу, Наташа, конечно же, не бросила её, но дальше приёмного покоя её никто не пустил.

У Риты быстро взяли анализы и поставили диагноз: «Аппендицит», срочно требуется операция.

Лечащий врач, красивый молодой парень, улыбается Ритке:

– Ну что, красавица, готова мне отдаться?

Рита, пересилив боль, вымученно отвечает:

– С удовольствием...

– Я запомню! – подмигивает доктор.

Рита медленно приходит в себя, перед глазами всё расплывается, отдалённо она слышит какие-то голоса, но не понимает, о чём они говорят. Первые слова, что осознанно воспринимает, это слова анестезиолога:

– Как вы себя чувствуете?

– Чувствую...

Тут же врывается в сознание ещё один голос:

– Как чувствует себя моя красавица?

– Жить буду.

– Это хорошо, надеюсь, долго и счастливо, а главное, со мной! – улыбаясь, шутит доктор. – Поспи немного, я позже зайду.

Рита медленно просыпается, ощущая боль в боку; открывает глаза и смотрит вокруг:

– Здравствуйте, – бормочет девушка, увидев, что палате находится не одна, на соседней койке лежит женщина лет пятидесяти.

– Привет. Как ты?

– Пока не знаю.

– Ничего... Скор

о прибежит твой доктор, будет легче, – улыбается женщина.

– Ты ему приглянулась, он уже несколько раз заглядывал, пока ты спала.

Ритка смущается.

Борис

Хочу в отпуск! Устал ужасно от плотного графика. Как назло, ушёл на больничный Иван Семёнович, подвернул серьёзно ногу; Костя на две недели взял отпуск по случаю рождения ребёнка, естественно, кому-то надо было работать. Я очень люблю свою работу, но силы уже на исходе, хочется элементарно выспаться.

Рабочий день только начинался, не успел сделать обход, как меня уже вызвали смотровую, привезли какую-то девушку.

Зашёл в кабинет; и остолбенел: на меня уставились самые синие глаза, которые только приходилось видеть когда-либо, они были полны боли.

Как я и подозревал, у девчужки подтвердился диагноз. Операция прошла быстро и без осложнений.

Весь день меня преследовали синие, как летнее небо, глаза. Я несколько раз заглядывал к ней в палату, но она, придя в себя после наркоза, снова уснула, больше мне не удалось заглянуть в синь её глаз до самого вечера: поступил новый пациент, и мне пришлось почти четыре часа провести в операционной.

Вечером я уже сдал смену, собрался уходить домой, но ноги меня сами привели в 5 палату.

– Добрый вечер, – поздоровался я с соседкой моей синеглазой пациентки, – как дела?

– Всё хорошо, уже домой хочу.

– Если всё будет хорошо, завтра пойдёте.

Я беру стул и присаживаюсь около девчухи, что уж там девчухи: я изучил её карту – Ковалёва Маргарита, 18 лет.

Соседка Риты, проницательная дама, видимо, поняла мой интерес к девушке, тихонечко встала и вышла.

– А ты, как себя чувствуешь, Маргарита?

– Немного больно, но терпимо.

– Дай-ка посмотрю, что у нас тут, – я сам отогнул край футболки, рукой медленно ведя по коже, пока пальцы слегка не коснулись её груди. Блин, как током шибануло!

Девушка облизнула пересохшие губы, я заметил, что её соски под футболкой затвердели. У меня самого внизу стало твердеть. Вот засада! Первый раз со мной такое! "Спокойно, Боря, это очередная пациентка, " – пытаюсь себя успокоить...

Проверил ранку, хотя особой необходимости в этом не было, опустил назад край задранной футболки и заглянул в её нереальные глаза.

– Сейчас скажу, чтобы на ночь обезболили. Давай рассказывай?

– Что? – не поняла Рита.

– Где взяла такие красивые глаза? – улыбаясь, говорю я.

Рита засмушалась, даже на бледном лице выступило что-то наподобие румянца. А мне это безумно понравилось.

– Где учишься?

– В самом лучшем вузе! – не задумываясь ответила девушка и улыбнулась мне. Я задержал дыхание: её улыбка в сочетании с глазами – гремучая смесь, способная лишить дара речи, мне показалось, что сердце пропустило удар и ухнуло куда-то вниз, а там снова отозвалось моё мужское начало. Я уставился на девчонку: не понял, как этот невинный ребёнок может вызывать во мне такие взрослые чувства.

Надо уходить! Что это со мной? Ещё не хватало только романа с пациенткой.

– Моя смена закончилась, я домой, а ты – выздоравливай!

– Спасибо!

Я вышел в коридор, перевёл дыхание. Что это было? Если честно, я сам не понял.

3

Рита

Неужели он со мной заигрывал? Конечно, доктор совсем молодой, но у меня есть Сашка, он старше меня на два года, но мы вышли с ним на серьёзный уровень – он стал моим первым мужчиной.

Иногда мне кажется, что Сашка совсем ещё ребёнок: компьютерные игры для него порой значат больше, чем встречи со мной. На прошлой неделе мы с ним даже серьёзно поспорились: он отказался сходить на концерт моей любимой группы (надо сказать, билеты приобрела я на свои сбережения!), у них, видите ли, с Данькой запланирована на вечер

серьёзная игра в танки.

Я проглотила обиду, позвала с собой Наташку, но решила, что первая к нему не подойду! На следующий день он мне позвонил и пригласил в спорт-бар попить пиво и посмотреть матч местной хоккейной команды на выезде. Меня возмутило, что он даже не вспомнил, что вчера мне отказал в просьбе. Это так задело, что я тоже отказалась идти с ним.

Сашка вспылал, крикнул в трубку:

– Ну и катись! Не хочешь, не надо! Я бегать за тобой не буду.

– А я и не прошу!

Как бы там ни было, я думала, что Сашка, когда узнает, что я попала в больницу, придёт меня навестить, после операции отправила ему СМС: «Я в больнице, мне сделали операцию». В ответ же получила короткое: «Выздоровливай».

Я недоумевала, что значит «выздоровливай»? И всё? Слезы душили, готовы были пролиться, но в этот момент в палату зашёл ББ (так я прозвала моего лечащего врача Бориса Борисовича). Кстати, моя соседка, заметив его интерес к моей скромной персоне, подкатила к медсестрам с расспросами. Выяснилось, что ББ первый год работал в хирургии, недавно только закончил ординатуру, ему 26 лет и самое главное, по мнению тёти Любы, он не женат!

– Что это моя красавица плакать собралась что ли?

– Нет, с чего вы взяли?

– Правильно нечего тут сырость разводить! Ты ж мне ещё

кое-что должна! – подмигнул Борис.

– Что? – не поняла я.

– Вспоминай, вспоминай, я скоро должок потребую! – и ушёл, оставив меня в недоумении.

Я целый день пыталась понять, о чём говорил доктор, решила, что я в бреду что-то брякнула и забыла.

Пять дней я провела в больнице, при выписке мне Борис Борисович назначил время, когда я должна буду явиться на приём, чтобы убедиться, что нет никаких осложнений. При этом доктор как бы невзначай сказал:

– Рита, в карте не указан номер телефона, нужно внести.

Я быстро продиктовала и даже не заметила, что номер то он записал не в карту, а в телефон забил.

Мне уже прилично надоела больница, поэтому я быстро попрощалась и отправилась к маме, которая меня ожидала с вещами.

4

Борис

В свои двадцать шесть перевидел я красоток, и не одна побывала в моей койке, но как-то до серьёзных отношений ни с кем не доходило. Были, конечно, особенно настырные, которые пытались затащить в ЗАГС, с такими у меня короткий разговор: отворот поворот. Недавно только кое-как от Катерины отделался, вместе учились, в ординатуре вместе оказались, я-то дурак наивный думал – случайность, но, как позже выяснилось, чётко спланированный ход. Пришлось попу-

лярно объяснять, что жениться не собираюсь и она мне не нужна.

Обид было море. Вначале слёзы и сопли, потом крики и оскорбления и, наконец, мольбы. Пришлось жёстко поговорить, поставить на место. Кое-как Катерина ординатуру закончила и куда-то уехала, я даже не поинтересовался куда – так достала, что просто вздохнул с облегчением. Меня же пригласили остаться здесь. На этом, хочется надеяться, пути-дорожки разошлись навеки.

Я ещё во время студенчества съехал от матери и отчима к деду, не хотел быть ничем им обязанным.

Совсем банальная ситуация у нас в семье случилась. Мой отец бросил мать, когда та была ещё беременной, дед поддержал дочь, помог с ребёнком. Мать закончила медицинский, устроилась на работу, там и встретила своего будущего мужа. Сначала всё было хорошо, отчим наладил отношения со мной: ходили вместе в парк, на аттракционы; но, когда в семье появился ещё один сын, а через три года и дочь, отчим стал показывать, что старшенький явно лишний в доме. Я просил мать разрешить мне жить с дедом, она всячески противилась этому, поэтому я дождался, пока исполнится восемнадцать и только тогда ушёл из дома.

Дед же очень любил меня и осуждал зятя за предвзятое отношение к мальчишке. Однажды отчим пришёл к нему и завёл разговор о квартире, якобы не мешало завещание на дочь написать, дед разозлился и выгнал его. Вечером он по-

звал к себе и рассказал, что несколько лет назад уже составил завещание в мою пользу. Я, конечно, удивился, но поблагодарил его. Всегда чувствовал, что дед единственный человек, который по-настоящему меня любит.

Ночью у деда случился второй инфаркт, скорая не успела приехать, а я ничем не смог помочь. После его смерти у меня, по сути, не осталось ни одного близкого человека. Мать, может, и любила, но очень боялась мужа, поэтому старалась как можно реже со мной видаться.

Когда вскрыли завещание деда, оказалось, что дед оставил внуку не только трёхкомнатную квартиру, но и дачу, а также кое-какие сбережения. Отчим попытался заставить мать подать в суд, но она как никогда категорически отказалась оспаривать документ. После этой нелिцеприятной сцены, мать подошла ко мне, обнять, видимо, она побоялась или не смогла (давно она этого не делала), посмотрела глазами, полными слёз и сказала:

– Прости, сынок, – и ушла...

Наконец-то выспался после бешеного графика, вроде сейчас устаканилось: все в строю! Больше недели прошло, как выписалась Рита, в больнице как-то даже скучно стало. Я забил её номер в мобильник, но так и не осмелился позвонить. Вот что ей скажу? Чувствую себя мальчишкой, который первый раз хочет девочку на свидание пригласить.

Девчонка совсем, а зацепила! Ещё эти глазищи синие! Так

и вижу, стоит только глаза прикрыть. Может, на самом деле не было отношений давно у меня, вот и торкнуло на Риту, но очень уж она мне в души запала.

Схватил с дивана смартфон и, пока не передумал, нажал на вызов.

– Алло, – раздалось в трубке. Я замер, услышав её нежный голосок. На мгновение задержал дыхание и произнёс:

– Рита, привет! Это Борис, твой доктор. Как ты себя чувствуешь?

Рита от неожиданности даже рот открыла:

– Я ... У меня всё хорошо.

– Вот и замечательно! Чем занимаешься?

– Да так, пробую учиться, – явно улыбаясь, ответила Рита.

Борис даже представил её улыбающееся лицо.

– Рит, а пойдём погуляем?

Я уже представил, что она сейчас найдёт кучу причин, чтобы отказаться, скажет, что у неё есть кто-то, но Рита на мгновение заколебалась, а потом согласилась. Непроизвольно на моём лице появилась довольная улыбка, всё внутри меня ликовало, как будто я победил в очередной олимпиаде.

5

Рита

Уже неделю дома. Сашка позвонил только один раз, нёс какую-то охинею, по голосу я поняла, что пьяный. На заднем плане слышались такие же пьяные голоса, хихиханье девчо-

нок. Я бросила трубку. Сначала даже слёзы подступили, но я категорически запретила себе думать о нём. Для себя чётко определила: он мой первый мужчина – на этом всё! Иду дальше!

Конечно, сказать себе просто, а вот заставить себя думать так – надо ещё постараться. Наташка поддержала меня, тем более никогда ей Сашка особенно и не нравился.

– Слушай, Ритуль, да будет ещё на нашей улице праздник! Не сошёл же клином свет на этом недомужчине.

Я улыбаюсь как всегда, когда Наташка так называет Сашку.

Неожиданно мой телефон завибрировал в руках:

– Неизвестный номер.

– Возьми, вдруг твоя судьба звонит, – засмеялась подружка.

Каково же было моё удивление, когда в трубке раздался голос моего лечащего врача, которого я ласково прозвала «ББ». Я округлила глаза, Наташка же вся превратилась в слух. «Кто?» – одними губами спросила она. Я прикрыла трубку, как будто собеседник мог меня увидеть и так же – губами – произнесла: «Доктор». Наташка расплылась в улыбке и показала мне большой палец, тем самым одобрила наш разговор.

– Гулять?

Наташка активно закивала головой: «Соглашайся!»

Я немного заколебалась, но всё-таки согласилась.

Борис встретил меня около входа в парк, как оказалось, мы не так уж и далеко друг от друга живём.

ББ оказался интересным собеседником: он рассказывал смешные истории из своего студенчества, много говорил о своём дедушке, но при этом он слушал меня, я видела, что ему интересно то, о чём говорю. Эта заинтересованность подкупала.

Мы не спеша бродили по парку, ели мороженое, кормили уток в пруду, смеялись, когда два селезня подрались из-за куска хлеба. С ним было спокойно, я бы даже сказала – уютно, ему хотелось довериться. Может, потому что он отличался от всех парней, с которыми когда-либо мне приходилось общаться. Он был взрослый, что ли.

Борис проводил меня домой и на прощанье взял за руки и поцеловал в щёку. Всё выглядело настолько невинно, что я никак не могла понять, откуда же у меня взялось ощущение, что мне этого мало и хочется чего-то большего.

Уже две недели мы практически ежедневно встречались, исключения составляли те вечера, когда Боря дежурил в больнице. Но даже в эти дни он находил пять минут, чтобы позвонить мне перед сном и пожелать «Спокойной ночи». Я ждала наших встреч, его звонков.

Мы договорились снова встретиться в парке около фонтана. Нам очень понравилось это место и, хотя октябрь был

на исходе, фонтан уже не работал, но фигуры женщины и мужчины, что стояли, обнявшись, в центре этой конструкции, притягивали наши взгляды. Мы даже придумали им историю: влюблённые встретились после долгой разлуки. Сами не заметили, как этот фонтан стал «нашим местом».

Я уже десять минут ждала Бориса, а его всё не было, раньше он предупреждал заранее, если задерживался. Я решила подождать ещё пять минут, потом позвонить.

Только я достала телефон, как увидела знакомую фигуру. Я невольно залюбовалась своим «персональным доктором», как я ему вчера в шутку сказала, когда он меня спросил о здоровье. Высокий, стройный, зеленоглазый красавец шёл ко мне, улыбаясь.

Я встала ему навстречу, он обнял и поцеловал, но в этот раз в губы, я не ожидала такого проявления чувств, Борис всегда был сдержан и максимум, что себе позволял – это поцелуй в щёку. Не буду лукавить перед собой – мне давно этого хотелось. Поцелуй получился почти невинным, но безумно приятным, я даже почувствовала, как мои щёки покрылись румянцем.

– Чем займёмся?

– Я ужасно устал сегодня, может, пойдём ко мне, поужинаем, посмотрим какой-нибудь фильм.

– Идём...

Борис впервые пригласил меня к себе, было интересно посмотреть, на его жилище, я знала, что молодой человек вот

уже несколько лет живёт один.

– Проходи.

Я почему-то ожидала увидеть «дедушкин вариант», но оказалось, что у Бориса большая трёхкомнатная квартира с современным ремонтом. Мне понравилась его гостиная, в другие комнаты я постеснялась заглянуть.

Борис, видимо, на самом деле, очень устал, он сел на диван, голову закинул на спинку и даже прикрыл глаза. Я молча присела рядом:

– Надо было сказать, что ты устал, я бы поняла. Может, я пойду, а ты отдыхай.

Я попыталась встать, Борис схватил меня за руку:

– Нет, не уходи, я соскучился, – он погладил меня по руке, и я ощутила, как по телу побежали мурашки. – Сейчас схожу в душ и приготовлю нам легкий ужин.

Мужчина быстро встал и отправился в ванную, мне захотелось сделать ему что-нибудь приятное.

Борис принял душ, надел домашние спортивные штаны и футболку, вышел в коридор и понял, что Рита уже не в гостиной, а в кухне.

Ему очень понравилась открывшаяся картина: ещё ни одна женщина не хозяйничала на его кухне. Пока был жив дед, это было невозможно (дед вообще посторонних в доме терпеть не мог), Борис всегда с девчонками встречался на нейтральной территории. Когда деда не стало, молодой человек ничего не поменял в своей жизни. Да, он сделал хороший

ремонт на сбережения, которые дед ему оставил (надо сказать сумма была приличная), но образ жизни не изменил.

Сейчас Борис подумал, что может, он просто ждал вот эту – единственную, совсем молоденькую девушку, но очень желанную.

Молодой человек облокотился на косяк и наблюдал, как Рита сервирует стол. Когда она только успела приготовить салат и пожарить яйца с беконом? Борису показалось, что он отсутствовал не больше пары минут.

Рита неожиданно подняла глаза и улыбнулась молодому человеку. Борис почувствовал, как его сердце пропустило удар. Он оторвался от стены и прошёл в кухню.

– Извини. Я тут немного у тебя похозяйничала.

– Ты даже не представляешь, как мне приятно, что ты это сделала для меня, – он присел за стол, притянул свою тарелку и с аппетитом начал есть.

Борис поднял глаза и понял, что девушка не ест, а, улыбаясь, смотрит на него. Рита увидела, как одна бровь ББ поползла вверх, это заставило девушку ещё шире улыбнуться.

– Ты сегодня вообще ел?

– Не успел, тяжелый день, сложная операция была, кое-как вытащили женщину.

Борис накрывает сверху мою руку своей. С минуту смотрим друг на друга, наши лица становятся серьёзными. Вдруг Борис резко встаёт со стула (тот даже в сторону отлетает), быстро обходит стол, берёт мою голову руками и впивается

в губы, приоткрывая их своим напором. Неуверенно, но отвечаю на поцелуй.

Его руки плавно скользят по моей спине, прижимая ещё ближе податливое тело, у меня нет сил, чтобы сопротивляться натиску. Борис поднимает меня на руки и куда-то несёт. Я с трудом понимаю, что мы в спальне.

Борис опускает меня на кровать, его поцелуи становятся всё более требовательными, он стягивает блузку, освобождает грудь, и со стоном опускается к ней губами. С моих губ срывается стон, я зарываюсь пальцами в его волосы, притягивая голову ещё ближе. Борис поднимает на меня глаза и, получив молчаливое согласие, прокладывает дорожку из поцелуев от моей груди к пупку, стягивает джинсы вместе с трусиками и продолжает свои ласки.

Борис раздвигает мои ноги и проникает в меня пальцами, я уже готова его принять. Моя спина выгибается навстречу, терпение покидает не только меня, но и мужчину. Борис резко встаёт, выходит в коридор и быстро возвращается, я понимаю: он выходил за защитой.

Не успеваю ни о чём подумать, как медленная дорожка поцелуев обжигает кожу. Хочу его всё сильнее, я никогда не была такой ненасытной и нетерпеливой. Дикое желание отдаться ему растёт в груди.

Борис тяжело выдыхает мне в шею:

– Безумно тебя хочу!

У меня только хватает сил промычать ему в ответ, это

ещё больше заводит мужчину, и он входит в меня. Безумный темп и неожиданная развязка. Я даже сначала не поняла, что впервые испытала оргазм.

Борис, тяжело дыша, скатывается с меня:

– Что это было?

– Не поняла...

– Этот ураган?

– Я думала, только мне так показалось...

Борис притянул меня к себе, уткнулся в шею и расслабился. Через несколько минут я понимаю, что он спит. Ещё какое-то время я лежу в его объятиях, потом осторожно освобождаюсь, чтобы не разбудить, тихонько встаю, собираю свои вещи, тихо одеваюсь и ухожу домой, захлопнув дверь.

6

Не знаю, сколько проспал, но, ещё не открыв глаза, понимаю, что Риты рядом нет. В квартире мёртвая тишина.

Я разочарован: у неё кто-то был! Не знаю, откуда взялась эта ревность, но она засела где-то глубоко внутри.

А почему я вообще решил, что она невинна? Наверное, обманули её невероятные глаза. Ну и пусть! Я сделаю так, чтобы она вообще забыла о нём! Есть только я и она! И что бы она не думала, её судьба решена! После того, как увидел вечером у себя на кухне, понимаю, что кроме неё никого в своём доме видеть не хочу. Девчонка засела занозой в сердце, а оно твердит, что если и буду когда-нибудь счастлив, то только с ней.

И всё же она сбежала! Напугалась или просто засмушалась. Уж очень она не походила на тех, кто спит и видит за-тащить меня в ЗАГС. На этот раз я сам готов тащить её туда, лишь бы больше не сбежала. Надо хорошо подумать...

Погода выдалась, как говорится, не лётная. С утра моросил дождь, на первую пару опоздала. Полночи не спала: никак не могла успокоиться. Уже сто раз пожалела, что сбежала от Бори.

Я очень хотела его, но когда на меня неожиданно свалился оргазм, который никогда в жизни не испытывала, напугалась тех чувств, которые неожиданно проснулись во мне. Конечно же, я понимала, что Сашка не может мне дать чего невероятного. Того, о чём читала в книжках. Я уже убедила себя, что фригидная, не способная отдаться на столько, чтобы ощутить нечто большее. Теперь я понимаю, что просто мне нужен был другой мужчина. А, может быть, и другие чувства – более глубокие.

В том, что Борис мне не безразличен, я более чем уверена. Наверное, надо ему позвонить, извиниться, что сбежала. А потом вдруг в голову закрались сомнения: а надо ли ему мои извинения?

Все пары сидела, как на иголках, половину того, о чём говорили пропустила мимо ушей. Наташка две пары на меня как-то странно смотрела, наконец-то решила спросить:

– Ритуль! Да что с тобой сегодня? Ты какая-то странная...

– Всё хорошо, – то, что произошло, мне казалось настолько интимным, что не хотелось делиться даже с лучшей подругой.

Я испытала некое подобие угрызений совести: у нас никогда не было секретов! Единственный человек, который знал о моей личной жизни всё – это Наташа, мы неоднократно обсуждали отношения с Сашкой, она была в курсе всех моих переживаний. Впрочем, когда она лишилась девственности на вечеринке практически с первым попавшимся парнем, я тоже узнала сразу. Но отношения с Борисом были необычными, поэтому я пока не готова была делиться этим ни с кем.

Наташка надула губы:

– Ну-ну, как знаешь! – с обидой выдавила из себя подруга, отвернулась в другую сторону и о чём-то заговорила с Людской Ивановой, нашей одноклассницей. У меня не было сил и желания её в чём-то переубедить. Попсихует и перестанет, не первый год её знаю, вместе со второго класса.

Кое-как дождалась, когда закончатся пары. Мы гурьбой высыпали из универа, девчонки смеялись, парни о чём громко говорили.

Я смотрела под ноги и шла следом за Наташкой, та неожиданно остановилась, и я впечаталась в её спину.

– Ну-ну... – повернулась ко мне Наташка, ехидно улыбаясь.

Я поднимаю глаза... Недалеко от входа стоит мой ББ и держит огромный букет белых роз. Сердце пропустило

удар... Какой же он красивый!

Я медленно направляюсь к нему, он смотрит очень серьёзно, и вдруг его губы расплываются в улыбке, а моё сердце пускается вскачь... Борис подходит ко мне, целует в щёку и протягивает цветы, мои щёки тут же загораются румянцем, а из-за спины снова слышу:

– Ну-ну...

Борис поднимает глаза на Наташку:

– Привет! Я сегодня Риту украду у тебя, – его лицо озарилось улыбкой, он подмигнул девчонке.

– Ну-ну... Ритуля, я сегодня тебя прощаю, – улыбнулась подружка и побежала вслед за удаляющимися одноклассниками, – Люд, подожди.

– Поедем?

– Куда?

– Увидишь, – Борис берёт меня за руку и ведёт к машине.

7

Выезжаем за город, ещё несколько километров едем по шоссе, потом сворачиваем на просёлочную дорогу, и оказываемся на берегу реки. Всю дорогу молчим, хочется спросить, но почему-то боюсь.

Останавливаемся, идём вдоль берега, неожиданно перед нами оказывается небольшой мосток. Подходим к его краю, смотрим на водную рябь. Зябко, но красиво и спокойно.

– Это моё место силы... В детстве, когда ругался с отчимом, убегал сюда.

– Ты жил с отчимом?

– Да... Отношения у нас как-то не сложились, впрочем, как и с братом и сестрой. Хотел жить с дедом, но мать не отпустила.

Я представила себе маленького одинокого мальчика, и захотелось его пожалеть и приласкать. Не сдержала своего порыва: обхватила за талию Бориса, он меня крепко прижал к себе. Не хочется ничего говорить, вот так стояла бы с ним вечно.

– Почему ты ушла? – неожиданно нарушает молчание Борис.

– Не знаю... Испугалась...

– Чего? – Борис отрывается от меня и заглядывает в глаза.

– Своих чувств... как-то это неожиданно всё произошло.

– А мне кажется, что так и должно было случиться... Наверное, именно тебя я и ждал.

От его слов вырастают крылья, и я понимаю, что именно этих слов я и хотела услышать от своего ББ.

Рита

На душе хорошо! Возвращаемся в город уже не в тишине, я болтаю без умолку, рассказываю о своей учёбе, о Наташке. Расспрашиваю Борю о работе. Смеёмся, радость заполняет всю мою сущность.

Боре сегодня на ночное дежурство, у нас есть ещё несколько часов, едем к нему, вместе готовим толи полдник, толи

ужин – сами не знаем, смеёмся, шутим.

Неожиданно Борис становится очень серьёзным:

– Рита, кто он?

Я не поняла, о чём он говорит, смотрю на него.

– Ну, был же у тебя кто-то до меня?

Наконец-то я понимаю, что он спрашивает о Сашке, краснею:

– Это не важно, – подхожу ближе к Боре и тянусь к его губам, – забудь!

Невинный поцелуй перерастает в страстный. Боря со стоном впивается в мои губы, сминает их, я чувствую, как он возбуждается, дрожу, хочу большего. Однажды познав в объятьях этого мужчины блаженство, моё тело просит новой порции.

Беру Бориса за руку и тяну в спальню, он мне загадочно улыбается и идёт следом. Мы забываем об осторожности и контрацепции. На первый план выходят ощущения: мы быстро раздеваемся и целуемся, целуемся...

Я толкаю Борю на кровать, начинаю целовать шею, прокладываю дорожку из поцелуев по груди, прикусываю один сосок, потом другой. Опускаюсь ниже – он уже готов, но я не спешу. Языком провожу по его стволу, Боря издаёт протяжный стон, я захватываю его в рот и начинаю ласкать. Вижу, что мужчине это нравится, но моё желание уже на пределе, я забираюсь на него сверху, направляю член и опускаюсь на него. Мы одновременно издаём стон удовольствия,

наша скачка продолжается. Боря неожиданно меня переворачивает на спину и сам начинает активно двигаться, чувствую его руку между нами, Борис массирует большим пальцем моё самое чувствительное местечко, и я взрываюсь, следом за мной и он.

Какое-то время лежит на мне, потом откатывается.

– А ты, оказывается, проказница, – улыбается он.

Мои губы сами расплываются в ответной улыбке:

– Сама не ожидала. Ты будишь во мне какие-то низменные инстинкты. С тобой я теряю голову.

Борис притягивает меня к себе:

– Я думал, это только со мной такое происходит.

Душа поёт, Борис отвозит меня домой, сам едет в больницу. Поздно вечером звонит, мы говорим друг другу милые глупости. Мне кажется, что вот оно – моё счастье! Я в это искренне верю.

Целая неделя счастья! Мы лежим в его кровати, тяжело дышим, мы счастливы. Одно омрачает – Боря уже опаздывает на дежурство.

– Так не хочется уходить...

– А ты оставайся! Позвони родителям скажи, что у меня останешься.

– Не могу...

– Почему?

Я всё-таки сознаюсь:

– Они ещё ничего о тебе не знают.

– Ты так им ничего и не сказала? – я вижу Боря не доволен.

– Я скажу, обязательно скажу, просто это как-то быстро всё произошло... Я сейчас немного полежу и пойду.

– Не смогу тебя подвезти, уже опаздываю, кто-то меня сильно задержал, – лицо Бори смягчается, он улыбается, наклоняется ко мне и нежно целует.

– Пешком не ходи, уже темно, вызови такси, – оставляет на столе деньги и ключи. – Я хочу, чтобы ты их взяла.

Киваю. Борис уходит, а мне так хорошо после секса, что не хочется вставать, я засыпаю.

Через час меня будит телефонный звонок: Сашка... Сказать, что я удивлена – это ничего не сказать. Чего это вдруг? Я его игнорирую, но сон уже прошёл... Хочется ещё понежиться в постели, которая пропахла нами, кое-как заставляю себя встать, принимаю душ, пью чай, подъезжает такси.

Я уже у подъезда своего дома.

– Ты где была? – я вздрагиваю, потому что голос Сашки звучит грубо и практически на ухом.

– Какая тебе разница?

– Интересно, почему меня не должно интересовать, где бродит моя девушка? Опять с Наташкой болтались?

– Я не твоя девушка! Мы расстались!

– Я с тобой не расставался! Попсиховала и хватит, – голос Сашки звучит почти нежно.

– Пойдём, нужно поговорить! – Сашка хватает меня за

руку и тянет к отцовскому джипу, на котором приехал.

В окне первого этажа кто-то мелькнул: баба Валя, будь она не ладна! Завтра весь дом будет знать... Я прекращаю сопротивляться, сажусь в машину. Поговорить, так поговорить!

Сашка вырывается со двора, недалеко от моего дома тихий неприметный тупик есть, вокруг одни деревья, мы и раньше часто с Сашкой сюда приезжали.

– О чём говорить собрался?

– Рит, ну хватит, ты показала характер, я попсиховал, давай мириться!

– Саш, ты не понял, мы расстались по-настоящему! Я встречаюсь с другим!

Сашка как с цепи сорвался:

– Ритка, прекращай меня дразнить! Хочешь, поженимся. Родаки бабкину квартиру отдают.

– Не нужна мне твоя квартира, оставь меня в покое, – я попыталась выйти из машины, но Сашка заблокировал двери, – выпусти!

Сашка резко опустил моё сиденье, я от неожиданности упала на спинку, он одним махом навис надо мной, стал целовать, я отчаянно сопротивляюсь, чем видимо, ещё больше разозлила парня. Он резко задрал мою юбку, разодрал колготки и плавки, резко, одним движением вошёл в меня. Я его никогда таким не видела: мне стало страшно и противно.

Всё случилось очень быстро, Сашка кончил в меня, не было никакой защиты.

Хватит реветь, завтра пойдём в ЗАГС, подавать заявление. Сашка выхватил мою сумку, нашёл в кармашке паспорт (я всегда его там носила), положил себе в карман и отвёз домой.

Я быстро проскочила в ванную, не хотелось, чтобы родители видели в таком виде.

Проревела всю ночь. Хотела пойти в полицию, но вспомнила, как несколько лет назад в соседнем дворе девчонку изнасиловали, родители в полицию заявили: бедная девочка, сколько на неё грязи вылили, сколько ей пришлось пережить. Парней осудили, но семье пришлось переехать. Поэтому мысль о полиции практически сразу выкинула из головы. Не знала, как о произошедшем рассказать Боре.

На следующий день вместо универа поехала к нему. Открыла дверь своим ключом: в квартире никого не было.

Я до сих пор не представляла, как скажу любимому о том, что случилось. Не могла не сказать! Зная подлую натуру Сашки, была уверена, если узнает о Борисе (а он узнает!), сам всё расскажет, а это будет ещё хуже. Правда, я не была уверена, что Боря после вчерашнего захочет со мной продолжения отношений.

В дверь позвонили, я вдрогнула от неожиданности. Вначале мелькнула мысль: не открывать. Это, наверняка, не Боря, он ведь не знает, что я у него. Но в дверь звонили и звонили, не переставая. Я вышла в коридор, в глазок увидела симпатичную девушку. Может, сестра, мало ли что могло при-

зойти. Быстро открыла дверь.

– Ты кто?

– Рита. Бори ещё нет дома...

– А ты что тогда тут делаешь?

– Жду.

– Так, мартышка, знать не хочу, кто ты и так догадываюсь: очередная шлюшка Бори. Так вот, дорогуша, выметайся! Я невеста Бориса и никому его не отдам!

Мегера схватила меня за руку и вытащила в подъезд, вслед за мной полетели мои сапоги, куртка и сумка, а перед носом захлопнулась дверь.

8

Рита.

Я в шоке! Что это было? Звоню в дверь. Тут же красотка с искажённым от злости лицо открывает:

– Я тебе сказала: убирайся! Ещё раз увижу тебя рядом со своим мужиком, рожу изуродую – ни один пластический хирург не восстановит.

– Боря мне ничего о тебе не говорил.

– Боречка любит у нас пошалить, пока я в отъезде!

Девушка так убедительно говорит о своих отношениях, что мне даже становится неловко. По сути я ведь мало что знаю о его личной жизни, как, впрочем, и он моей. Я ведь тоже ничего не сказала ему про Сашку, может, и он умолчал про эту стерву. Как же не хочется в это верить! Откуда толь-

ко во мне берутся слёзы? Опять реву...

Кое-как добираюсь до дома, хорошо, что родителей нет. Меня как будто изнутри вывернули. Смартфон разрывается. Не хочу никого ни слышать, ни видеть.

Борис.

Смена опять не из лёгких выдалась, ночью привезли двоих с ДТП, до утра оперировал. Сейчас отдохну дома, потом встречу из универа свою проказницу. Надо серьёзно поговорить! Я понимаю, что для неё это неожиданно, но я-то знаю, что у нас всё серьёзно. Зачем тогда тянуть? Заставлю её поговорить с родителями. Будет сопротивляться: сам пойду к ней домой.

Открываю дверь и сразу понимаю, что кто-то в квартире есть: пахнет свежим кофе.

Случайно бросаю взгляд в зеркало прихожей: улыбаюсь, как идиот. Вот это меня плющит! Любовь, мать её! Никогда бы даже не подумал, что женщина (да какая женщина? девочка!) перевернёт весь мой устоявшийся мир.

Неожиданно лицо вытягивается...

– Катя?! Ты что тут делаешь? Как попала вообще?

– Двери надо закрывать, любимый, а то всё вынесут из квартиры.

– Дверь была открыта? Где Рита? – что-то мне не верится, что она ушла и не закрыла дверь.

– Какая Рита? Я никого не видела. У тебя кто-то есть?

– Да, Катя, у меня есть любимая девушка, поэтому уходи.

– А я!!! – Катя переходит на крик.

– Мы, кажется, уже давно всё с тобой выяснили. Каждый идёт своей дорогой. Я тебе ничего не обещал.

– Не обещал?! Я за тобой два года, как собачонка бегала! Ты должен на мне жениться!

– Я никому ничего не должен! Ты изначально знала, что нас связывает только секс. А сейчас уходи!

Катерина в истерике ещё долго поливала меня гадостями. Почему я раньше не замечал, что она бывает настолько отвратительна, мат нисколько её не украшает. Мне надоело всё это терпеть!

Молча подхожу к ней, беру за руку и тяну в коридор, сую ей в руки куртку:

– Убирайся!

Глаза Кати наполняются слезами, она кидается мне на грудь:

– Боречка, любимый, прости, я больше не буду истерить, я лишь хочу быть с тобой.

– Катерина, ты меня не слышишь! Я люблю ДРУ-ГУ-Ю!!! Уясни уже! И проваливай!

Помогаю ей одеть куртку, ботинки, сую в руки сумку и выталкиваю в подъезд, даже не подозревая, что всего час назад, тоже самое Катерина проделала с моей девочкой, но предчувствие у меня нехорошее. Хотя я понимаю, Риты здесь не могло быть, она, наверное, сейчас на парах.

На сердце всё равно беспокойно. Набираю её номер, гудки

идут, но трубку не берёт. Это вообще-то объяснимо, просто отключила звук. Быстро набираю СМС : "Привет, проказница! Как освободишься набери. Соскучился." Следом отправляю дурацкий смайлик с сердечком – совсем ополоумел.

Рита.

Телефон без конца звонит, пиликает. Кому я так сегодня срочно понадобилась? Открываю и вижу пропущенные от старосты, от Наташки два, Боря звонил и пять от Сашки. Хочется выть!

То, что произошло вчера, убило во мне вообще какое-либо хорошее отношение к Сашке. Как он ещё смеет звонить после всего этого.

WhatsApp тоже светится сообщениями. "Привет, проказница! Как освободишься, набери. Соскучился. " Да уж – соскучился! Видела я твою скуку!

От Сашки голосовые сообщения вообще слушать не стала. Да пошли вы! Занесла в чёрный список оба номера.

Борис

Голова раскалывается, не мешало бы поспать часа два, но не спокойно на душе. Ложусь в постель, подушка пахнет моей девочкой, я утыкаюсь в неё носом, это на меня как-то успокаивающе подействовало, удалось немного вздремнуть. Только открываю глаза, и снова необъяснимое беспокойство наполняет душу. Руки сами тянутся к телефону, набираю номер и ничего не понимаю!

Соскакиваю с кровати, пары у Риты ещё не закончились,

ну и пусть! Я сойду с ума, если с ней не поговорю.

Быстро умываюсь и лечу к ней в универ. Охранник не пропускает. На ходу сочиняю историю, что нужно в бухгалтерию утрясти некоторые финансовые проблемы, а то сестру отчислят. Не хотя, но всё-таки дядечка идёт мне навстречу.

Узнаю у парней, где находится Экономический факультет, нахожу аудиторию, где сейчас идёт пара у Ритиной группы, до окончания остается 10 минут. Кое-как дожидаюсь, выходят студенты, а Риты нет! Что за ерунда! Где она? Ко мне подходит её подружка, вздыхаю с облегчением:

– Привет, Наталья. А где Рита?

– Я хотела у тебя спросить, она же как с тобой связалась (девушка сделала акцент на последнем слове) про меня и не вспоминает.

– Ты ей звонила?

Наташа не на шутку начинает волноваться, видя, что у меня трясутся руки, когда я пытаюсь достать телефон.

– Да что у вас произошло?

– Если честно, сам не знаю, но предчувствие плохое.

Набираю знакомый номер, опять вне доступа.

– Набери ты.

После нескольких долгих гудков, Рита всё-таки снимает трубку:

– Да.

– Ритка, ну слава богу! Ты где?

– Дома.

– Что случилось? Я сейчас приеду! Всё расскажешь!

– Наташ, не надо, не приезжай. Я потом всё расскажу, не сегодня.

Рита отключает телефон.

– Нет, определённо что-то серьёзное случилось. Я поеду к ней.

– Наташа, не надо сейчас, я сам поеду. Я не знаю номер её квартиры. Скажешь?

Пока еду к Рите, в голове куча мыслей роится. Не знаю, что произошло, но что-то нехорошее.

Подхожу к подъезду, как раз выходит бабулька, придерживаю дверь и поднимаюсь сразу на четвёртый этаж. Звоню, долго звоню. Дверь всё-таки открывается и на пороге стоит бледная Рита, глаза красные – плакала!

– Ты?

Рита решила, что Наташка всё-таки не послушала её и приехала, но никак не ожидала увидеть Бориса.

– Я.

– Зачем ты пришёл?

– Риточка, что произошло? Не хочешь объяснить?

– Спроси у своей красотки белобрысой! – в сердцах бросает Рита.

– Так и думал, без Катерины здесь не обошлось.

– Ритуль, послушай.

– Я сегодня уже наслушалась комплиментов в свой адрес!

Уходи Борис. У нас ничего не получится.

– Не говори ерунду. Из-за какой-то истеричной бабы мы не можем расстаться. Да, у нас были отношения. Вобщем, мы просто с ней спали. Уж извини, я взрослый мужик. Но мы давно расстались, и я понятия не имею, чего ради она припёрлась.

– А что здесь происходит? – Рита даже вздрогнула, когда какой-то парень открыл дверь, которую мы так и не закрыли. – Ты кто такой?

– А ты?

– Рита может, ты объяснишь ему, – Сашка кивнул в сторону Бориса, – кто я такой.

– Уходите оба! – Рита перешла на крик.

– Риток, может, всё-таки объяснишь? – две пары глаз уставились на девушку.

– Я никому ничего объяснять не собираюсь!

– Ну и ладно! – Сашка вдруг улыбнулся, – всё, любимая, заявление я уже подал, правда, поинтересовались, почему пришёл без невесты, пришлось рассказать, почему.

У меня внутри всё закрутилось в тугой узёл.

– Вы о чём?

– Можешь нас поздравить – мы с Маргаритой Сергеевной только что подали заявление в ЗАГС, – парень достал из кармана два паспорта и помахал ими у меня перед носом.

Я повернулся к девушке:

– Рит? Это он?

Она отвернулась и ушла в комнату. Парень посмотрел на

меня, улыбаясь:

– Проваливай!

Я, не чувствуя ног под собой, вышел из подъезда. Ощущаю, что в сердце кол вогнали и прокрутили. Такую боль я испытывал только однажды, когда дед умер...

Надо выпить! Наверное, три дня не просыхал, точно не уверен. На любимую работу забил.

Я кое-как разлепил глаза, в висках стучит невероятно. Понимаю, что стучит не только висках, но и в дверь кто-то ломится: периодически звонки сменяются с ударами. Надо открыть.

– Ну слава богу! Хотел уже вызывать ментов и дверь вскрывать, Костя, мой коллега и друг, внимательно смотрит на меня, – что случилось?

– Да ничего не случилось! – бреду в ванную, надо голову в холодную воду опустить.

– Да и поэтому ты пьешь и на работу не ходишь. Я кое-как Крокодиловну убедил прогул не ставить, больничный сделаем...

Надо чаю горячего попить, двигаюсь на кухню, голове легче не стало, достаю сначала таблетку, включаю чайник, присаживаюсь на подоконник, Костик устроился рядом:

– Борька, ну ты чего? Из-за бабы что ли?

– Отстань!

– Ба, точно! Ты чёёё влюбился что ли? Ну-ка расскажи, – толкает меня в бок.

– Нечего рассказывать, нет её больше... Понимаешь первый раз такое со мной, выпотрошила мерзавка меня, – я тяжело вздыхаю.

– Да помиритесь ещё!

– Она замуж выходит...

9

Рита

Это всё происходит как будто не со мной. Театр абсурда отдыхает! Я уйду в комнату, ложусь на кровать, отворачиваюсь к стенке.

Сашка что-то говорит, гладит по плечу. Ничего не слышу. Вакуум...

Наконец, он понимает, что со мной сейчас бесполезно о чём-либо говорить:

– Ладно, я вечером приеду, всё обсудим.

Хлопнула входная дверь, ушёл и тишина – мёртвая тишина... Мёртвая... Мёртвая... Не хочу больше этой боли, лучше умереть... Встаю, иду на кухню, где-то здесь, в аптечке, должно быть мамино снотворное. Вот... Высыпаю в ладонь все таблетки из бутылки и закидываю в рот... Кто-то резко тянет меня за шиворот, бьёт по руке, всё что не успело попасть в рот, сыпется на пол.

– Доочаа, что ты творишь? – папа тащит в ванную, заставляет выпить несколько кружек воды, мой желудок выворачивается наизнанку...

Отец умывает меня, прижимает к себе, берёт на руки и уносит в комнату, но не опускает на кровать, а держит, как в детстве, на коленях. То ли вздох, то ли всхлип... Смотрю на папу. У него в глазах стоят слёзы.

– Папочка, прости меня, пожалуйста, – прошу я, утыкаюсь ему в плечо и горько плачу.

– Доочаа, что ж ты творишь?.. Ни один мужик не стоит этого, – отца не обмануть, он понимает, что здесь виноваты дела сердечные.

– Не говори маме, я тебе обещаю, что никогда больше ничего подобного не сделаю.

Матери отец сказал, что я приболела, она долго сидела рядом, гладила меня по спине успокаивающе. Как жаль, что любимые родители не могут вытравить боль, которая прочно поселилась в моём сердце. Как я могла так обмануться в Борисе? Конечно, не поверила его оправданиям, хотя готова была выслушать и всё простить. Но я прекрасно понимаю, что он-то меня не простит, а Сашка не упустит момента мне нагадить.

Мама договорилась со знакомой, сделала мне справку в универ. Эти три дня не могли решить всех моих проблем, и вообще я была не уверена, что боль скоро уйдёт.

Наташке я сказала, что рассталась с Борисом, подробности пообещала поведать как-нибудь в другой раз. Правда, я очень сомневалась, что этот другой раз когда-нибудь наступит.

Сашка, вопреки обещаниям, появился только через несколько дней. Подкараул меня около подъезда:

– Рит, привет! Ты своим родакам сказала, что мы женимся?

– Нет.

– Почему? – искренне удивился парень, – мои уже от бабкиной квартиры ключи отдали, поедем, посмотрим.

– Саш, ты реально не понимаешь или дурака включил? Читай по губам: Я-ЗА-ТЕ-БЯ-ЗА-МУЖ-НЕ-ПОЙ-ДУ!!!

– Риток, чёё происходит? Ты чёё ломаешься, всё ж у нас нормально было, подумаешь, поругались малёхо.

Меня передёрнуло от его "чёё", раньше это так не раздражало, если честно, он и сам меня раньше не раздражал. Неизвестно, сколько бы продолжался это дурацкий разговор, но Сашке позвонили, он взял трубку, кивнул мне, развернулся и быстро зашагал к отцовской машине, не сказав больше ни слова. Я пожала плечами и пошла домой.

Сашка не появлялся уже две недели и всё бы ничего, но мой паспорт по-прежнему находился у него, а в деканате попросили прнести документы для какой-то сверки. Придётся всё-таки разблокировать его номер и позвонить. Не хотелось портить себе настроение на ночь глядя, поэтому решила позвонить с утра.

Приехала в универ к первой паре, староста потребовала паспорта, когда выяснилось, что у меня с собой нет, пришлось выслушать целую лекцию об безответственных сту-

дентах. После второй пары всё же позвонила Сашке. В трубке мучительно долго шёл вызов:

– Алло, – раздался хриплый голос, видимо, Сашка ещё спал.

– Привет. Саш, мне нужен паспорт...

– После ЗАГСа получишь.

– Ты серьёзно? С меня в деканате требуют, он нужен мне сейчас!

Какое-то время я слушаю тишину.

– Тогда приезжай на квартиру, я тебе отдам. Адрес помнишь или запишешь?

– Помню, ладно, сейчас приеду...

Мы пару раз с Сашкой заезжали к его бабуле, пока она была здорова. В прошлом году у неё случился инсульт, после больницы Сашкины родители перевезли её к себе, чтобы было проще ухаживать за пожилой женщиной. Всё это время квартира пустовала, и я знаю, Сашка просил у родителей разрешения переехать туда, якобы им стало тесно, потому что с переездом бабушки, брат переселился на соседний диван в его комнату. Родители же были категорически против, потому что сынок и, живя с ними, умудрялся прогуливать пары, ни о какой самостоятельности не шло речи.

Отец как-то ему сказал, закончишь вуз, хотя бы бакалавриат, или, на худой конец, женишься на Маргарите, вот тогда и получишь квартиру. Сашка знал: родки спят и видят, отличница Ритка когда-нибудь станет их невесткой. Уж

очень им нравилась девчонка!

Я за полчаса добралась до Сашкиной квартиры, дверь была уже открыта. От Сашки розило перегаром, из ванной выполз его дружок с похожими симптомами, я прошла на кухню, под подоконником стояла батарея пивных бутылок, на столе полная пепельница окурков, грязных бокалов и тарелок. Мне стало дурно, я резко сорвалась с места и побежала в туалет, меня вырвало, я умылась холодной водой, посмотрела на грязное полотенце, очередной спазм скрутил мой желудок. Оторвала кусок туалетной бумаги, вытерлась и, когда кидала её в мусорное ведро, увидела использованные презервативы. Никогда не испытывала настолько остро брезгливость, я осторожно вышла в кухню, Сашка курил в открытое окно.

– Ты чего?

– Всё нормально. Дай паспорт, меня ждут в деканате. Сашка достал из кармана куртки, которая болталась тут же на стуле, паспорт, протянул мне, как только я вытянула руку вперед, парень отдёрнул свою:

– Первого декабря в 16.00 у нас регистрация.

Я посмотрела на Сашку, как на сумасшедшего, но предпочла сейчас промолчать, уж очень мне хотелось удрать подальше из этой "нехорошей квартиры".

Следующее утро меня снова встретило сюрпризом. Я проснулась от того, что по квартире распространился запах свежесваренного кофе. Обычно этот запах бодрил, сегодня

же мне стало снова дурно, я бегом бросилась в туалет. И тут, когда уже всё произошло, я понимаю, возможно, это не совпадение: Сашка в последний раз не предохранялся да и с Борисом мы однажды тоже забыли об осторожности. Я с ужасом смотрю на себя в зеркало и понимаю, если я забеременею, то даже не знаю от кого. Меня охватывает ужас.

Около дверей грозным взглядом меня встретила мама. Я опустила глаза и хотела пройти мимо, но она схватила за руку:

– Маргарита, это, о чём я думаю? – мама всегда, когда злилась, называла меня полным именем.

– Не знаю, – уже не вижу смысла в обмане, всё равно, если я на самом деле беременна, у меня не хватит силы воли избавиться от ребёнка.

– Сегодня же запишу тебя к врачу.

Я молча кивнула.

Мать сдержала обещание, позвонила мне в универ и сообщила, что записала к гинекологу на 17.00.

Я же не вытерпела и ещё перед занятиями зашла в аптеку, купила тест и, недолго думая, сделала его прямо в университетском туалете. Тест показал две полоски. Поэтому, когда врач сообщила мне, что у меня беременность 3-4 недели, я нисколько не удивилась.

Мы молча приехали домой, я заперлась в своей комнате, плакала и упивалась своим горем. Понимала, что мой привычный мир рухнул: мне придётся одной растить ребёнка.

Решила, что после зимней сессии переведусь на заочку, а работу надо искать уже сейчас: не могу же я своего ребёнка повесить на родителей.

Вечером мама меня позвала ужинать. Я молча ела, было стыдно поднять глаза. Отец, конечно же, заметил моё странное поведение:

– Доочаа, – в своей манере, немного растягивая столько знакомое с детства слово, обратился ко мне, – какая-то ты сегодня странная. У тебя опять что-то случилось.

Я пожала плечами. Мать не вытерпела:

– Говори уже! Или мне сказать? – я снова пожала плечами.

Мать не выдержала:

– Она беременная, – кивнула головой в мою сторону, при этом смотрела на отца.

Я услышала осуждение в её голосе.

– Что молчишь? Что делать будем? – я испуганно посмотрела на неё.

– А что тут думать?! – прервал мать отец, – здесь только один выход – рожать.

– Ты с ума сошёл? Какое рожать? А учёба? Ей всего восемнадцать!

– Ну и что? Рита, а сама чего ты хочешь?

У меня по щекам покатались слёзы:

– Я не смогу его убить, пап, мам.

Лицо матери мгновенно поменялось, и из её глаз тоже потекли слёзы. Отец не вытерпел:

– Девчонки, ну что вы ревете, радоваться надо, у нас малыш будет!

– Я переведусь на заочку и пойду работать, – всхлипываю.

– И не думай, так понимаю, рожать будем летом? – киваю головой, – закончишь первый курс, возьмёшь академ, а мы поможем, вырастим. Я очень хотел второго ребёнка, – вдруг признаётся отец, – но у нас не получилось, – мама виновато опускает глаза, – вот внучка и будем растить.

Я бросилась к отцу, обняла его и уткнулась в грудь, мама тоже подошла к нам, обхватила меня и папу, так мы несколько минут и простояли.

10

Рита

На следующий день ближе к вечеру Сашка явился.

– Риток, давай серьёзно поговорим.

– Ну давай...

– Хватит уже психовать, переезжай ко мне, поженимся тихонько, будем спокойно жить.

– Спокойно?

– Я понимаю, вчера ты увидела картину не очень приятную. Я всё выдраил, навёл порядки, больше никаких пьянок дома. Обещаю!

– А как насчёт баб? – усмехаюсь я.

– Каких баб? Мы с пацанами сидели.

Я покачала головой, по большому счёту мне было всё равно. Слышим, что мама пришла домой. Она, увидев в при-

хожке Сашкины кроссовки, напрямик зашла в мою комнату, посмотрела на нас серьезно:

– Что, женишок, свататься пришёл?

Сашка быстро отреагировал на её выпад, уловил правильность момента:

– Здравсьте, Мария Олеговна! Конечно, свататься, мои уже ждут – не дождутся, когда с вами познакомятся.

Материны глаза на лоб полезли, не ожидала!

– Да уж давайте познакомимся, я так понимаю, повод-то у нас есть.

– Ты сказала? – улыбается Сашка.

– Ну слава богу, – вздыхает мать, – договорились, – я пытаюсь вставить слово, но она меня перебивает, – конечно, жениться ещё рано, но если уж ребёночка сообразили, тогда женитесь, нечего безотцовщину плодить.

Вижу, как Сашка рот открывает:

– Ребёночек?

– Ну да, а ты про что?

– У нас с Ритой первого декабря регистрация, заявление давно подали.

– Как первого? Пять дней осталось.

– Мам!

– Ну спасибо, хоть за пять дней узнала, а не первого!

– Мама, дай нам поговорить, – перехожу уже на крик.

Мать со психом хлопает дверью и выходит из комнаты. Вот как так получается? Вроде Мария Олеговна и любит ме-

ня, но иногда мне кажется, что я ей в тягость, и она спит и видит, как бы от меня избавиться.

– Риток, ты чёё реально беременная? – смотрит на меня Сашка и понимает, что мать не обманула. – После того раза в машине?– помнит гад.

Я неопределённо пожимаю плечами, Сашка это воспринимает как подтверждение.

– Рит, я тогда вообще ничего не понимаю, ты чёё ломалась? – меня эти дурацкие вопросы уже бесят.

– ЧЁЁЁ ломалась? – специально делаю акцент на первом слове, – а ты догадайся!!! Да для тебя твой дружок и танки важнее, ты меня бросил, когда я оказалась в больнице, потом появляешься, как чёрт из табакерки, насилуешь и при этом у тебя хватает совести, спрашивать ЧЁЁЁ я ломалась?

– Рит, прости меня, – я чувствую его неловкость, видимо, понимает справедливость моих слов.

Он пытается оправдаться:

– Я тебя не насилывал, может, просто грубо взял...

– А вот мне так не показалось!

Сашка подходит ко мне, опускается на колени и вполне искренне просит прощения:

– Риточка, любимая, я обещаю, что больше никогда с тобой так не поступлю. Прости меня, теперь ты просто обязана меня простить ради ребёночка. Конечно, мы не планировали, но раз так получилось...

Я понимаю, что это выход из положения, потому что мать,

хоть с отцом вроде и согласилась, всё равно жизни мне спокойной не даст: будет пилить. Уж я то её знаю.

– Посмотрим, – тихо проговорила я.

Наконец-то, Сашка оставляет меня в покое, но сначала заходит на кухню к Марие Олеговне, о чём-то разговаривают.

На следующий день родители Сашки приглашают нас в ресторан. Мать довольна, тщательно подбирает наряд мне и себе, отец, не видя энтузиазна в моих глазах, хмурится.

Антиповы радушно встречают нас в ресторане, меня так расцеловали, чем ещё больше засмутили. Вообще не понимаю, зачем я им всем понадобилась, чувствую себя куклой, кукловоды сейчас решают мою судьбу. У меня нет сил возмущаться и спорить, мне вообще всё равно как дальше жить, ведь Бориса больше в моей жизни нет и никогда не будет...

Первого декабря я всё-таки приезжаю в ЗАГС, причём, с родителями и Наташкой, которая искренне считает меня душой, потому что выхожу замуж за "недомужика". Сашка тоже явился с родителями и братом.

Вот мы стоим перед толстой регистраторшей, не слышу, что она говорит, чуть ли не вздрагиваю, когда Сашка громко ей отвечает: "Да". Понимаю, что тётка теперь обращается ко мне, тихо произношу: "Да". Родственники расплываются в улыбки, регистраторша суёт кольца, одеваем друг другу, Сашка меня целует, и мы идём на выход, вдруг поднимаю глаза и вижу перед собой огромное, практически во всю стену зеркало. Неожиданно в голове появляется мысль: "Неуже-

ли это я?"

На девушке красивое и дорогое платье, недаром мать чуть ли не целый день таскала меня по свадебным салонам, лицо такого же цвета, как и её платье. Голова идёт кругом, чувствую, что сейчас потеряю сознание, цепляюсь сильнее за руку Сашки, он вовремя меня подхватывает на руки и спешит на улицу. Я прихожу в себя, и мы всей компанией едем в тот же ресторан, что и накануне. Все веселятся, поздравляют нас и только Наташка видит, что мне плохо, да отец иногда поглядывает с подозрением в мою сторону.

Сашка подходит к музыкантам, о чём-то говорит и направляется назад к нам, я слышу красивую медленную мелодию, но мне не хочется танцевать, вижу глаза матери, которые светятся счастьем. Сашка протягивает руки, родственники смотрят на нас со серкающими глазами, я понимаю, что не могу разочаровать ни мать, ни Антиповых. Вкладываю свою руку в Сашкину, он выводит меня на площадку около сцены.

В какой-то момент танца я чувствую на себе пристальный взгляд. Обвожу зал ресторана взглядом и вижу: на меня в упор смотрит ... Борис. Сердце совершает очередной кульбит, в его глазах плещется злость и... боль. Знал бы он, как мне больно в этот момент. Чувствую, что снова теряю сознание... Сашка меня подхватывает на руки, родители вызывают такси и отправляют молодожёнов домой. Все соглашаются с Сашкой, который говорит, что я просто перевол-

новалась да и утомилась.

Борис.

Первое декабря. Мой двадцать седьмой день рождения. Утром позвонила мать, поздравила, я пригласил её к себе, она сослалась на недомогание и отказалась приехать. Моё сердце разрывалось: самые близкие и любимые люди меня опять предали. Дед! Как мне тебя не хватает! Некому рассказать о той боли, которая поселилась в сердце, когда я понял, что моя любимая девочка вовсе не моя. Я в очередной раз ошибся. Видимо, мать меня так ненавидела ещё в утробе, что и при жизни не видать мне счастья.

Как назло сегодня нет дежурства, хоть бы на работе немного отвлёкся. Ближе к обеду позвонил Костя, единственный друг, поздравил и пригласил в ресторан отметить мой праздник. Конечно же, я согласился, иначе дома один сошёл бы с ума. В ресторан Костик приехал с Викой, своей женой, у них недавно родился второй ребёнок, друзья были так счастливы, что я даже им немного завидовал.

Мы сидели за столиком, ребята рассказывали, что планируют летом съездить на Алтай отдохнуть, звали с собой меня. Я обещал подумать.

Неожиданно моё внимание привлекла смеющаяся компания, видимо, они отмечали свадьбу, ко мне спиной сидел молодой человек в костюме и девушка в свадебном платье, волосы её были убраны в высокую причёску, моему взору предстала её обнажённая шея, я невольно задержал на ней

взгляд, просто идеальная. Молодой человек по-хозяйски обнимал девушку за талию, вдруг он её поцеловал в висок и отправился к музыкантам.

– Ау! Боря! Ты где?– вдруг позвал меня Костя. – Ты куда там уставился?– Костя проследил за моим взглядом, – на чужую невесту засмотрелся, – засмеялся друг.

И тут я понимаю, что девушка, которую жених уже ведёт на танцпол – это моя Рита. Как же ей идёт это белое платье, а открытая шея так и манит ... сломать её, чтобы не позволяла себя лапать этому придурку.

В какой-то момент Рита, видимо, почувствовала, что я на неё смотрю, и уставилась на меня не моргая. Всего секунд пятнадцать продолжалось противостояние взглядов, я вижу, что она падает, подскочил на месте, но парень подхватил невесту на руки и унёс, следом за ними вышла вся их компания. Я сел, плеснул в бокал коньяка и залпом выпил содержимое. Костя с Викторией уставились на меня.

– Это она? – догадался Костя.

У меня только хватило сил кивнуть. Налил ещё и опять выпил.

– Борь, это не выход!.. Надо было бороться! Ты же сам опустил руки! – выговаривал мне друг.

Я понимаю, что он прав, надо было в жопу засунуть все свои обиды и поговорить с Ритой, если надо – утащить силой в свою берлогу.

– Ребята, извините, мне лучше сейчас побыть одному.

Обещаю: с собой ничего не сделаю, пить не буду, завтра встретимся на работе.

Рита

Мы приехали в бабушкину квартиру, вернее, теперь уже в нашу. Квартира украшена шарами-сердечками, в спальне новое шёлковое бельё, усыпанное лепестками роз.

– Мать постаралась, – улыбается Сашка.

Я захожу в ванную, только тут до меня доходит, что у меня кроме свадебного платья, ничего из одежды нет.

– Саш, дай свою футболку.

– Зачем она тебе? – улыбается муж (о боже! муж!) – у нас же первая брачная ночь.

Неужели он не понимает, что не могу я с ним спать. Сама иду в спальню, достаю из шкафа футболку. Принимаю душ, сбрасываю лепестки на пол и ложусь в постель. Сашка тоже принимает душ, приходит ко мне, гладит по спине, целует, а мне ещё хуже становится от его ласки.

– Саш, давай не сегодня, мне очень плохо.

Муж смотрит на меня и всё-таки соглашается, ложится рядом, обнимает и очень быстро засыпает. А мне не спится: я ощущаю на талии ЧУЖИЕ руки, вспоминаю взгляд Бори, полный боли и мне хочется рыдать. Но замужняя женщина не может позволить себе удовольствия рыдать из-за чужого мужчины. Только одинокая слеза скатывается на подушку. Что же я наделала...

Рита

Восемь месяцев спустя

Как бы тошно мне не было, всё-таки смогла взять себя в руки. Беременность давалась тяжело, но учёбу я не бросила, конечно, курс на все отлично закончить не получилось, но без троек и то хорошо. Сашка кое-как получил диплом бакалавра в основном благодаря мне, так что я теперь не только студентка экономического факультета, а ещё немного специалист в юриспруденции (пока Сашке диплом писала, кучу литературы изучила по данному направлению). Вечерами Сашка подрабатывает в баре, но денег катастрофически не хватает, поэтому в основном мы живём за счёт моих родителей. Ужасно неудобно, но папа ежемесячно даёт на жизнь, а я принимаю.

Отец переживает, и всё чаще замечаю в его взгляде осуждение, когда он смотрит на зятя. Видимо, понимает, что его единственная дочь несчастна. Зато мама Сашку боготворит, каждый раз пытается ему угодить, накормить чем-то вкусеньким.

Вечерами я чаще одна, тоска, кажется, навсегда поселилась душе. Единственное, что радует – это мой сынок, которого я уже сейчас очень люблю и жду.

Своё отношение к Сашке я не могу поменять: я к нему ничего не чувствую, живу по-инерции. И не осуждаю его ни за то что стал ко мне холоден, ни за то частенько после смены домой приходит навеселе. Первое время после свадьбы

он бросил все силы, чтобы наладить нормальные отношения: дарил цветы, гулять водил, устраивал сюрпризы. Я не отказывала ему в близости, но при этом симулировать удовлетворение и счастье тоже не могла. Видела, что он злится, однажды мы серьёзно поссорились, и Сашка мне признался, что женитьба ему была нужна только, чтобы съехать от родаков, которые его достали своими нравами, но жить ему было негде да и снять не за что, поэтому, он нашёл единственный доступный вариант. Мне было очень обидно от этой правды, но она не стала для меня открытием.

Недавно я почувствовала, что у мужа кто-то появился. Нет, он не был со мной груб, даже стал больше, чем прежде общаться, но я видела, что он пытается загладить свою вину передо мной. Как ни странно, но это новое знание меня никак не задело.

Сашка уже две недели спит в зале, оправдываясь тем, что не хочет меня беспокоить ночью, когда возвращается со смены. Но я-то не сплю и невольно жду его.

Сегодня он весь вечер дома, я вижу, что с ним кто-то усиленно хочет связаться, муж незаметно, как он думает, сбрасывает звонки.

– Да возьми ты уже трубку!– не выдерживаю я.

– Не хочу, это с работы, я сегодня уволился, через неделю в агентство Смирнова выхожу работать.

– А что ж ты не сказал?

– Я думал, тебе неинтересно.

Поднимаю глаза на Сашку и понимаю, что в них плещется обида. Наверное, из меня плохая жена получилась. Нет, не наверное, а из меня получилась плохая жена. Зачем я согласилась за него выйти? Этот брак никому не принёс счастья.

Я подхожу к Сашке глажу его по щеке:

– Прости меня, – говорю, а слёзы жалости к себе и к мужу бегут сами по моим щекам.

Сашка тяжело вздыхает, вытирает слёзы и притягивает к себе, от этой неожиданной нежности, я ещё больше начинаю рыдать, он целует сначала в щёки, потом в губы так, как давно не целовал, и шепчет:

– Прости меня, Риток.

Сегодня мы засыпаем вместе и мне почему-то спокойно и неодинокно ... Может, у нас ещё получится настоящая семья? Хочу в это верить...

В два часа я просыпаюсь от резкой боли внизу живота, встаю тихо, чтобы не разбудить Сашку, и ощущаю, что по ногам бежит что-то тёплое.

– Саш, – зову мужа, – Саша!!!

– Ритуль, ты чего?

– Кажется, я рожаю...

Сашка подскакивает с кровати, включает свет и испуганно смотрит на меня:

– Ещё же рано.

– Видимо, сынок так не думает.

– Чёё делать?

– В роддом ехать!

20 июля 10.15 я держу на руках самого замечательного мальчика на свете. Он открывает свои маленькие глазки, и я вижу, что в них плещется зелень... Говорят, что у младенцев цвет глаз может поменяться, а я уверена, что он не поменяется... Боже, какую же ошибку я совершила...

Вся родня собралась в роддоме: цветы, шары заполнили выписную комнату. Родственники напербой хотят увидеть малыша. Я должна бы радоваться: на свет появился мой сынок, а у меня на душе кошки скребут. Ну не умею я обманывать!

– Как назовёте? – интересуется Наташка.

– Сергеем, – улыбаюсь я, – в честь дедушки (Сашка неохотно, но всё же согласился). Сергей Борисович – проносятся в моём сознании.

Папа расплывается в улыбке:

– Спасибо, доочаа, – целует меня в висок и быстро-быстро моргает, взрослый мужчина, но очень сентиментальный.

– Не обижусь, если только следующего внука Андреем назовёте, – улыбается свёкр.

– А что, по-моему, звучит – Сергей Александрович Антипов!

Заботы о малыше отвлекают меня от нехороших мыслей, Сашка всё свободное время посвящает нам: помогает ухаживать за сыном, готовит для меня. Чертовски приятна его забота, я благодарна ему за всё. Да и в конторе Смирнова у

него вроде всё складывается неплохо.

Серёжа уже улыбается, гулит, пробует переворачиваться. Я, как настоящая наседка, боюсь отлучиться на минутку от ребёнка. Пришлось взять академотпуск, отстану, конечно, от своих, но я ни о чём не жалею, стоит только посмотреть на моего чудо-малыша.

Беда пришла когда я её совсем не ждала....

Сыночку полгода, проходим плановый медосмотр. Педиатр долго слушает Серёжу:

– Вас что-то беспокоит?

Я испуганно смотрю на Анну Александровну, нашего доктора.

– Часто у него бывает учащённое дыхание?

– Я только недавно заметила, когда он поиграет или переворачивается, начинает тяжело дышать.

– Маргарита Сергеевна, я не хочу вас пугать, но давайте мы с вами перестрахуемся и сделаем несколько процедур, чтобы исключить возможные проблемы у ребёнка.

– Конечно, я согласна.

– Только понимаете у нас в поликлинике, мы не сможем сделать эти анализы. Я вам дам направление в специализированную клинику, там сделают компьютерную томографию, если понадобится проведут ещё ряд других исследований, и уже тогда мы сможем поставить правильный диагноз.

– Так что вы подозреваете?

– Некоторые симптомы указывают на врождённый порок

сердца.

– Но в роддоме ничего подобного мне не говорили.

– К сожалению, не всегда сразу можно диагностировать это заболевание. Иногда оно может быть не приобретённое, а переданное на генетическом уровне. Кто-нибудь из ваших родственников болен?

– Мне ничего об этом неизвестно... – качаю головой.

Бедный мой, маленький сынок, только бы у тебя ничего не болело! Лучше пусть мне будет плохо и больно, но не тебе...

Всю дорогу до дома рыдаю, понимаю, что слезами делу не поможешь, беру себя в руки, звоню отцу, прошу, чтобы родители приехали к нам.

Отец, услышав тревогу в моём голосе, отпросился с работы и тут же вместе с матерью приехали.

– Что случилось? – с порога вместо приветствия спрашивает папа.

Сил больше нет держать всё в себе, я бросаюсь в объятия к нему и, плача, рассказываю о подозрениях Анны Александровны.

– У нас в родне у кого-нибудь был порок сердца?

– Не было у нас! – быстро отвечает мать, – может, это у Антиповых были больные.

Я отрицательно качаю головой.

– А ты спрашивала?

Я снова мотаю головой.

– Откуда тогда знаешь?

Я опускаю глаза в пол.

– Значит, всё-таки мне не показалось, что Серёжка не похож на Антипова.

Отец открывает рот и испуганно смотрит на меня, и тут я понимаю, что в дверях стоит ещё один человек, который так же смотрит. Я издаю громкий стон и оседаю на пол вдоль стены. Сашка быстро что-то соображает:

– Это тот мужик, которого я у тебя застал?

Я молчу.

– Что молчишь? Я помню, ты мне сказала, что у тебя есть другой. А потом всё равно за меня пошла. Чёё бросил старичок? А тут я, дурак, нарисовался! Вот ты и решила мне своё пузо подсунуть!

Мне больно от несправедливости его обвинений, ведь если бы он меня в машине силой не взял, я бы осталась с Борей.

Отец призывает всех помолчать:

– Хватит! Нашёл время выяснять отношения! Доча, я должен был рассказать тебе это давно, но как-то не решался, – отец замялся, присел на стул и продолжил, – Маша не твоя родная мать.

Я округлила глаза и перевела взгляд на маму, она же в упор смотрела на отца, в её взгляде было столько ненависти. Отец не обратил на это внимание и продолжил:

– Твоя мама, твоя родная мама, умерла в родах, у неё было больное сердце. Она скрыла это от меня, узнал только когда уже был большой срок. Вера очень хотела ребёнка, наде-

ялась, что всё обойдётся, но... – папа тяжело вздохнул, – а Маша осталась одна и её ребёнок умер. Вначале она вызвалась мне помочь, а потом мы поженились.

Эта история казалась мне невероятной, теперь я понимаю, почему не похожа на своих родителей, а якобы на какую-то там бабушку, как мне ответили, когда я, будучи подростком, начала задавать по этому поводу вопросы.

– Я похожа на свою родную маму? – отец кивнул, – теперь я понимаю, почему ты меня никогда не понимала...

– Риточка, дочка, я тебя люблю...

Вдруг из дверей раздался громкий злой голос Сашки:

– Всё это, конечно, трогательно, но я не собираюсь быть рогоносцем! Как же тебе повезло, что у меня тогда нарисовались проблемы, а ты раз – и в дамки. Повесила чужого ребёнка мне на шею. Знаете что, родственнички! Проваливайте все из моей квартиры! Не хочу больше вас ни видеть, ни слышать!

– Александр, поаккуратней!

– А то что, Сергей Ильич? Вы думаете, я сплю и вижу, как бы воспитывать чужого ребенка! Этому не бывать! Проваливайте!

– Ну ты и подлец!

– Да, я такой! Я на ней женился, потому что родки достали и квартиру отдать пообещали, только если женюсь.

– Что ж ты тогда не нашёл другую, если я тебе была так противна?

– Зато теперь нашёл!

– Ты опять с ней встречаешься? – Сашка зло посмотрел на меня, видимо, только сейчас понял, что я в курсе его походов, – впрочем, это меня больше не касается.

– Собирай ребёнка, едем домой, – отец больше не хотел слушать всю эту грязь, – не мужик ты, Александр, и как бы Рита не провинилась перед тобой, ты перед ней тоже виноват, – отец похлопал Сашку по плечу и подтолкнул меня к выходу. Мы быстро собрали вещи и уехали.

12

Рита

Что же делать? А вдруг подтвердится диагноз у Серёжи? Нет мне покоя всю ночь...

Отец тихонько вошёл к нам в комнату, тоже, видимо, не спал, осунулся, вчерашняя щетина только подтвердила мои догадки. После нашего возвращения они долго ругались с мамой.. она же всё равно осталась мамой... Пока вся информация с трудом укладывается в моей голове. Но не так волнует, как здоровье сына. Тяжело, похоже, всем: я слышала, как за стенкой тихонько плакала мать, но ко мне вчера она так и не зашла. Ну и пусть! Уже всё равно...

– Как вы тут? – интересуется отец.

– Спит, – шёпотом отвечаю.

Отец кивком головы показывает на дверь. Тихонько выходим в кухню. Мама готовит завтрак, смотрит на меня, как побитая собака, с тоской в глазах:

– Риточка, прости меня... – а у меня сил нет выяснять отношения. За свои девятнадцать лет я другой матери не знала и пусть она иногда ко мне была излишне строга или придиралась по пустякам, но она всегда была рядом. С разбитыми коленками я к ней бежала и про месячные впервые она мне рассказала, когда с Сашкой начала дружить тоже ей вначале рассказала, а потом уже отцу. Говорят, родителей не выбирают, вот и у меня выбора не было.

Иногда я обижалась на Марию Олеговну, но она всегда была рядом, а сейчас мне особенно была нужна поддержка её и папы. Смотрю на них, а у самой слёзы бегут по щекам:

– Что же мне делать?

– Сейчас начнётся рабочий день, звони в клинику, записывай малыша на приём, съездим, пройдем обследования, может, там ничего серьёзного нет, – успокаивает меня отец.

– Конечно, что раньше времени раскисать, – поддерживает его мать.

– Что бы я без вас делала, дорогие мои? – всхлипываю я.

Диагностику назначили нам только через неделю. Дни тянулись, сил не было жить в неведенье.

К сожалению, обследования только подтвердили худшие подозрения Анны Александровны. Нас отправили в областную больницу, но, к сожалению, и там не смогли утешить и обнадежить. У Серёжи был выявлен редкий вид этого заболевания. Консилиум врачей вынес нам свой вердикт: в нашем областном центре нам помочь не смогут, нужно ехать в

Москву. Хирурги одной известной московской детской клиники имеют опыт подобных операций, но иногородних они оперируют по квоте, которая расписана на месяцы вперед. Есть ещё одна частная клиника, но операция платная: обойдётся порядка четырёх с половиной миллионов рублей.

Даже если отец продаст квартиру и машину, не соберём мы такой суммы. А после операции куда ребёнка привезти? Отец обзванивает всех своих знакомых, но то, что ему удастся собрать – это крохи по сравнению с тем, сколько нам надо. Я в отчаянии пытаюсь решить, что же делать? Как спасти ребёнка?

Был бы Борис рядом он бы посоветовал. Эта мысль, родившаяся у меня в голове ночью, когда Серёжа вдруг стал задыхаться, всё назойливей начинала крутиться в моей голове.

Утром я позвонила в больницу, где работал Борис, и выяснила, что у него сегодня выходной. Недолго думая, оставляю Серёжу с мамой, ничего не объясняя ей отправляюсь по знакомому адресу. Только бы он был дома и желательно один. А вообще мне уже всё равно будет так кто-то или нет.

Почти полтора года прошло с тех пор как я в последний раз была здесь, а память рисовала свои картины из прошлого, как будто это было вчера.

Не уверена, что Борис меня пустит в квартиру, поэтому кое-как дожидаюсь, пока кто-нибудь из жильцов выйдет из подъезда, удерживаю дверь и пытаюсь пройти, но не тут-то

было! Какая-то бабулька хватает меня за рукав и тянет назад:

– Куда собралась?

– Мне надо!

– Домофон зачем тебе?

– Я сюрпризом хочу.

– Знаю я ваши сюрпризы! В соседнем доме в прошлом месяце две квартиры обнесли две такие же вот как ты, – злится бабка.

– Мне к Борису Бояринову в 36 квартиру.

Бабка подтаскивает меня к домофону, набирает номер квартиру, не сразу, но Борис отвечает:

– Боречка, – ласково поёт бабка в трубку, – к тебе гостя, пустишь?

Борис, видимо, решил, что к нему идёт сама бабка, поэтому крякнул и открыл дверь. Я вырвалась из цепких бабкиных рук и влетела в подъезд. Не успела нажать на звонок, как перед носом распахнулась дверь. На меня в изумлении смотрели глаза цвета мокрой зелени. Такие же глазки меня магнетизировали дома каждый день, к сожалению, всё чаще в этих глазках я видела боль. Вспомнив об этом, я расправила плечи и обратилась к хозяину квартиры:

– Пустишь?

Изумление в глазах любимого мужчины сменилось безразличием. Ну и пусть! Борис молча проводил меня в кухню. Я отметила, что практически ничего за это время здесь не изменилось. Видимо, женщина всё-таки здесь так и не посе-

лилась. Это придало мне сил.

Борис

Полночи просидел над кандидатской, долго не решался вообще за неё браться, но Костя настоял, сказал: "Пора уже из депрессии вылезать, займись наукой хотя бы ну или, на худой конец, личную жизнь устрой". С личной жизнью как-то не складывалось, а вот наукой всё-таки занялся. Под утро только уснул, а тут всего лишь половина девятого, но кто-то настырный в дверь ломится. Когда услышал голос соседки, еле сдержался не отправить её в поликлинику: взяла моду хоть раз в неделю, но за консультацией припрётся – скучно ей жить.

Открываю дверь, а передо мной не назойливая соседка, а Рита, моя Рита (так до сих пор её и называю, когда вспоминаю, а вспоминаю часто – ничего не могу с собой поделать). Что-то в ней изменилось. Семейная жизнь, видимо, на пользу не пошла: похудела, под глазами тени залегли (когда она нормально в последний раз спала?), только синь небесную ничем не убить. Стоило мне лишь взглянуть в эти глаза, и я готов был простить ей что угодно... Я так по ней соскучился, даже руки зачесались, так хотелось к ней прикоснуться. От греха подальше засунул их в карманы домашних штанов:

– Чем обязан? – наконец, выдавил я.

Рита, видимо, не знала, с чего начать разговор. Волнуется что ли? Девушка нервно сжимала руки, наконец, заговорила:

– Боря, – она поперхулась, я внимательно на неё посмот-

рел, – у меня есть сын.

– Поздравляю.

– Я очень волнуюсь, – я приподнял бровь, и Ковалёва (или как её там сейчас) ещё больше начала нервничать, – можно я скажу за чем пришла, а потом ты выскажешь всё, что ты обо мне думаешь...

– Заинтриговала, – невесело улыбнулся я, усаживаясь на стул и жестом приглашая Риту последовать моему примеру. Она кивнула, села напротив меня и посмотрела прямо в глаза, но тут же отвела взгляд в сторону и продолжила:

– У меня есть сын, – я молча слушал, – Серёжа, ему полгода, он серьёзно болен, помоги мне, пожалуйста, спасти ребёнка, – по щекам Риты побежали слёзы.

Я не мог на это смотреть, хотелось обнять её и утешить. Пришлось отойти к окну, чтобы не видеть её несчастный вид.

– Как я тебе могу помочь?

Рита рассказала о московской больнице.

– Боречка, я тебя умоляю! – Рита подошла и встала передо мной на колени.

– Ритка, ну что ты делаешь?! – я рванулся к ней, поднял и прижал к своей груди. Как же я соскучился! – я узнаю, что можно сделать, подключу Костю, только мне нужно посмотреть карту ребёнка и контакты клиники.

– Вот дура! Я не взяла с собой. Я съезжу сейчас и привезу.

– Подожди, давай я тебя подвезу, а потом сразу поеду к

Косте.

Рита назвала адрес, который был мне хорошо известен, и если я и удивился, то виду не подал.

В квартире было тихо. Мы прошли в комнату, Серёжа спал, рядом, на диване, дремала Ритина мама. Девушка подошла к кроватке, погладила ручку малыша, смахнула со щеки одинокую слезинку, на столе взяла медицинскую карту ребёнка и вышла из комнаты, прикрыв дверь.

Я внимательно изучил бумаги, записал координаты клиники и уехал к Косте. Объяснил другу суть проблемы, он бовзал меня дураком, который второй раз пытается прыгнуть на те же самые грабли, но всё-таки согласился помочь. Полдня наших телефонных переговоров не принесли никаких плодов.

– Здесь нужен прямой выход на врача, по-другому этот вопрос не решить, – резюмировал Костя, он на меня странно посмотрел, – может, твоя мать.

Я от неожиданности даже растерялся. Ни разу в жизни я не обращался к этой женщине за помощью. Но ради Риты, чтоб только не видеть в её чудесных глазах боль, я готов был обратиться за помощь к дьяволу, не то что к матери.

Домой к матери ехать не хотелось, поэтому поехал в больницу, где она работала.

На посту сидела молоденькая медсестра, но очень уж дошная девчонка попалась, категорически отказалась пропустить меня в ординаторскую подождать мать, которая ку-

да-то вышла из отделения. Я вышел на лестничную площадку, присел на ступеньку, дожидаясь матери. Живём в одном городе, а не виделись почти год, я на её прошлый день рождения приходил сюда же, чтобы поздравить.

На лестнице раздались чьи-то шаги, потом они замедлились, поднял голову и увидел маму. Как давно я её так не называл! Мне хотелось крикнуть: "Я соскучился" и кинуться к ней в объятия, но я не знал, как эта женщина, такая родная и одновременно такая чужая, отнесётся к моему порыву.

– Привет, мам.

– Здравствуй Боря. У тебя что-то случилось? – догадалась Екатерина Борисовна, иначе бы я не пришёл.

– Мне нужна твоя помощь...

Мать на меня серьезно посмотрела:

– Пойдём, – позвала она и отправилась в отделение.

– Маша, этот молодой человек со мной, – сказала мать, обращаясь к медсестре, которая смотрела на нас любопытным взглядом. Мне даже стало обидно, что я всего лишь "молодой человек", а не сын.

Мы зашли в её кабинет, я обвёл взглядом помещение, на стене несколько сертификатов, а на столе фотография ИХ семьи: мама, папа, сын, дочь и никакого намёка, что у заведующей отделением есть ещё один ребёнок.

Сегодня когда я увидел, как Рита, смотрит на своего сынишку, подумал: "Вот эта женщина никогда не откажется от своего ребёнка". Она готова была пойти на любые унижения,

только бы её сынок выздоровел. Я каждой клеточкой своей души всё ещё люблю её поэтому готов на многое, чтобы спасти её ребёнка, а это равносильно спасению её самой.

– Рассказывай, – начала мать.

– У моей любимой серьёзно болен ребёнок, мы знаем, где ему могут помочь, но квоты очень долго ждать, помоги нам выйти на доктора, я же знаю, что у тебя есть в Москве связи.

Я рассказал подробно в чём суть проблемы и где могут помочь. Когда я назвал клинику, мать резко подняла на меня глаза. Какое-то время молчала, потом спросила:

– А как фамилия хирурга, который делает такие операции?

– Захаров Александр Владимирович.

Мать тяжело вздохнула.

– Боря, я навряд ли смогу тебе помочь, – я окинул её разочарованным взглядом.

Встал и хотел уже уйти, как мать тихо сказала:

– Это твой отец...

Мне показалось, что ослышался. Я медленно повернулся к матери, хотелось хоть что-то узнать о себе.

– Он был молодым ординатором, я первокурсница, пришла на первую свою практику в их отделение, у нас очень быстро завязались отношения, потом мне сказали, что у него есть то ли жена, то ли невеста, вобщем, я перевелась в наш вуз из Москвы. А потом выяснилось, что я беременна. Со всем недавно я была в Москве на симпозиуме и случайно

встретила там Захарова, поэтому я знаю, где он работает.

– Он знает обо мне?

Мать отрицательно покачала головой.

– Почему... ты ему не сказала?

– Зачем это теперь ему и тебе?

Я дошёл уже до двери, но задержался:

– Ответь мне на один вопрос: ты меня когда-нибудь любила? – горечь обожгла мне горло, ком огромных размеров застрял в глотке, а мать только пожала плечами...

Как же больно осознавать, что тебя не любят собственные родители. Они есть, но ты живёшь с ними в параллельных мирах. Да я вообще живу со всеми людьми в параллельных мирах и нет ни одной живой души, с которой бы мой мир пересёкся. А очень хочется!

13

Борис

– Анатолий Ильич, мне нужны два отгула, – позвонил я своему заведующему.

– Борис Борисович, имейте совесть, у вас же выходные!

– Мне к ним срочно надо ещё два дня, – видимо, что-то услышал Васильев в моём голосе, немного помолчал, а потом всё-таки согласился:

– Ну хорошо, берите свои два дня, но отработаете!

Двенадцать часов на поезде и я увижу своего отца. Волнительно в двадцать девять лет знакомится с человеком, который должен был тебя вырастить.

В Москве я сразу отправился в клинику, на ресепшен узнал, что Захаров Александр Владимирович на рабочем месте, но готовится к очередной операции, пустить меня категорически отказались, пришлось идти ва-банк:

– Скажите Александру Владимировичу, что его хочет видеть сын, – у девушки глаза расширились от удивления.

– У Захарова нет детей.

– А я тогда, кто по-вашему? – уже начинал нервничать, – так вы позвоните или нет?

– Александр Владимирович, вас тут спрашивает молодой человек, говорит, что он ваш сын, – заикаясь сообщила девушка в трубку.

– Скажите мою мать зовут Екатерина Борисовна Бояринова.

– Хорошо, Александр Владимирович, – девушка положила трубку и окликнула медбрата, – Максим, проводи молодого человека к Захарову.

Вот я стою перед дверью, за которой находится человек, давший мне жизнь. Волнительно... Стучу, вхожу в кабинет, навстречу мне поднимается высокий подтянутый мужчина лет шестидесяти, пока не могу понять, кого он мне напоминает, зато теперь я знаю, от кого мне достались зелёные глаза.

– Здравствуйте, молодой человек, сказали, что вы хотели меня видеть? У меня через сорок минут операция, поэтому прошу изложить цель вашего визита. Кто вы говорите ваша мать?

– Бояринова Екатерина.

– Я с ней встречался в прошлом году, но она мне про вас ничего не сказала.

– Я о вашем существовании тоже узнал только вчера и, поверьте, я бы никогда, слышите, никогда, к вам не обратился, если бы дело не касалось жизни ребёнка.

– Твоего?

Меня, как током ударило... Как бы я хотел, чтоб ребёнок, на которого с такой любовью смотрела моя Рита и в самом деле был мой. Ради этого мальчика она готова была унижаться, валяться в ногах. И, как не странно, за это я, которого все предали ещё до рождения, её уважал ещё больше. Что-то сейчас объяснять Захарову, открывать душу перед чужим человеком совсем не хотелось, проще было солгать, нежели всё объяснять.

– Да, – сказал я, почти уверенный, что это именно так.

– В чём суть проблемы?

Я быстро изложил "суть".

– Да в нашей клинике делают такие операции, но очередь расписана на месяцы вперёд...

– Александр Владимирович, – перебиваю, – я больше никогда не появлюсь в вашей жизни, никогда не напомню о себе... Об одном прошу: подарите жизнь этому ребёнку, – мой голос срывается.

Захаров пристально смотрит на меня, что-то меняется в его лице.

– Тебе мама раньше не говорила, кто твой отец? – я качаю головой, – почему она мне не сказала?

– Вы были женаты или невеста у вас была, я точно не знаю. Вы можете нам?

– Как тебя зовут?

– Борис Борисович Бояринов, в честь деда.

– Борис, я не могу тебе ничего определённо сказать, пока не увижу ребёнка, все исследования. Привози его, – мужчина посмотрел ежедневник, нахмурился, – в воскресенье к 10.00 успеешь?

– Да, конечно, спасибо! – я протянул руку отцу, он неуверенно взял её, но пожал.

– Борис, а чем ты занимаешься? – уже в дверях меня застал вопрос Александра Владимировича.

– Я тоже хирург, работаю в одной из больниц нашего города. До свидания, Александр Владимирович.

Борис даже не подозревал, в какое смятение привёл этого солидного мужчину своим появлением. Александр Владимирович дважды был женат, но ни первая жена, ни вторая так и не родили ему детей, о которых он мечтал. Десять лет назад его единственный родной человек – сестра – попала в автомобильную аварию, потом долго восстанавливалась, брат её забрал к себе, с тех пор так и живут вдвоём, бездетные.

Вечером, уже дома, Захаров ходил из комнаты в комнату,

никак не мог успокоиться после визита Бориса.

– Саша, что у тебя случилось? Мечешься по дому, как тигр в клетке.

– Сегодня ко мне в клинику приходил молодой человек, он утверждает, что я его отец, – после небольшой паузы ответил брат.

– А ты в этом сомневаешься?

Александр Владимирович пожал плечами:

– Я думаю, он не обманывает.

– Чего же он хотел?

– Чтобы я помог его ребёнку.

Софья Владимировна заволновалась:

– Надеюсь, ты ему не отказал?

– Нет, – покачал головой Захаров, – он приедет в воскресенье...

– Саша, пригласи его к нам.

– Не знаю, Соня, примет ли он это приглашение, уж очень гордым мне показался. Я уверен, если бы не столь серьезные обстоятельства, он бы никогда ко мне не пришёл.

– Какой он?

– Мне кажется, он похож на меня, – у мужчины впервые за вечер на лице мелькнуло что-то напоминающее улыбку.

Рита

Уже прошло почти двое суток, как Боря ушёл... Какая же я наивная! Зачем ему теперь я, а уж тем более ребёнок. По-

чему я не сказала, что Серёжа его сын? Может, тогда бы он не отказал в помощи. Хотя он и не отказал, просто исчез – и всё...

Неожиданный резкий звонок в дверь вырвал меня из полудрёмы, я бросила взгляд на часы – час ночи... кого это принесло? Подскочила на кровати, побоялась, что ещё один звонок может разбудить Серёжу, папа уже меня определил:

– Что вам нужно?

На пороге стоял Борис, всё в тех же вещах, в которых вчера уходил от меня, помятый, на щеках двухдневная щетина... Он посмотрел на меня и прошёл мимо отца, который застыл в недоумении.

– Я с ним договорился, в воскресенье утром он вас примет.

Моё сердце разрывалось от боли, надежды и ... от любви к этому мужчине. Я сама не поняла, как очутилась в его объятиях, слёзы текли по щекам, увлажняя светлый свитер на груди Бори. Я ощущала крепкие руки, обнимающие меня, а в голове была одна мысль: "Почему я тогда ничего не сказала? Всё могло быть по-другому."

Отец, почувствовав себя неловко, тихо ушёл к себе.

– Ты голодный? – наконец-то начала приходить в себя, всё ещё всхлипывая. Боря кивнул.

И вот мы сидим на кухне, я кормлю любимого, а в голове пустота и неосознанное чувство успокоения и счастья. Неожиданно мужчина поднимает свои зелёные глаза, и серд-

це моё в несколько раз быстрее начинает биться.

– Мне пора. Дай номер своего телефона, завтра позвоню и всё решим.

Я на автомате говорю цифры, а на душе опять пусто, потому что я понимаю, ничего не изменилось, я до сих пор ему чужая, я предательница, а он порядочный и добрый человек, который не смог оставить в беде несчастную мать. Сердце разрывается.

Я зачем-то иду за ним на улицу.

– Рита, иди отдыхай, здесь прохладно.

А я не чувствую ничего, кроме боли в сердце, может, у меня тоже оно больное, как у Серёжи. Конечно, больное, оно давно болит, потому что я предательница, я предала Борю и себя, а ещё я предала Серёжу, я лишила его отца, такого замечательного.

Не осознавая, что делаю, подхожу в плотную к мужчине, тянусь к его губам и вынуждаю себя поцеловать. Борис не сопротивляется, какую-то долю секунды он замирает, а потом со стоном отвечает, прижимает меня к себе, мучает мои губы. А мне так сладко, голодное тело просит большего!

Так не хочется, чтобы безумие, охватившее нас, закончилось. Руки сами забираются под свитер, я ощущаю под ними рельефную грудь, его сердце тоже скачет в бешеном ритме... Меня начинает трясти.

Неожиданно Борис отрывается, отталкивает, холодно говорит: "Позвоню" и уходит в ночь, а мне хочется биться го-

ловой об стену и кричать: "Рита, какая же ты ДУРА!!!!" Я сама всё потеряла, теперь точно знаю, что Борис бы мне тогда, полтора года назад, мог всё простить ...

Сажу на лавочке около подъезда и, как раненая волчица, вою. Вдруг около меня появляется отец, обнимает, целует в висок.

– Папочка, я так его люблю... Что же я наделала?

– Не знаю, что у вас произошло в прошлом, но есть шанс всё исправить сейчас.

– Правда? – с надежной поднимаю заплаканные глаза на отца.

– Я думаю, он тоже тебя любит, но вам нужно время.

Так хочется верить словам отца. Может, он не ошибается, может, Боря когда-нибудь простит... Теперь я тоже БУДУ в это верить. Не оставил же он нас с Серёжей в беде.

Борис

Это какое-то сумашествие! Один поцелуй, и я готов ей всё простить, валяться у неё в ногах, просить вернуться. Как такое вообще может быть? Какая же я тряпка!

Рита полтора года назад ворвалась в мою жизнь, как только я увидел её бездонные синие глаза, они стали моей болезнью. Сколько раз я просыпался за это время по ночам, потому что синь этих глаз меня преследовала.

Наши отношения в прошлом теперь казались странными:

ни разу мы не говорили о любви, но стойкое ощущение, что она есть – было. Нам, видимо, просто не хватило времени... Вмешалась Катерина и бывший Риты. Чувствую себя дураком: ведь взрослый мужик, надо было что-то сделать, забрать у него свою девочку.

Это всё комплексы из детства... Боялся опять потерпеть неудачу, боялся, что она никогда не полюбит. А что теперь? Она из чувства благодарности готова прыгнуть ко мне в койку. Оно мне надо?! Я хочу, чтобы она меня любила, меня одного! Её благодарность мне не нужна...

Утром позвоню, расскажу всё про Захарова, и забуду.

"Ой ли!" – смеётся внутренний голос, а разум твердит: "Забуду!"

14

Рита

Борис позвонил, всё рассказал и объяснил, а сам опять исчез... Теперь у меня был его номер телефона, но я очень боялась ему позвонить, а так хотелось, чтобы Боря был рядом.

И вот мы в клинике, красивый статный мужчина с зелёными глазами, такими знакомыми и родными нас сам встретил, всё объяснил, сопровождал. А потом, как бы невзначай, спросил:

– Почему Борис с вами не приехал?

Я опустила глаза, просто не знала, что ответить. Александр Владимирович, так и не дождавшись ответа, вдруг заинтересовался:

– Маргарита, а где вы остановились? Пока в клинике не имеет смысла оставаться.

– Я? Ещё не успела. Сейчас найду ближайшую гостиницу, – я достала телефон.

– У меня есть предложение получше, идёмте.

Захаров снял халат, бросил медсестре, которая буквально с открытым ртом наблюдала за развернувшейся картиной, забрал Серёжу из моих рук, а тот на удивление никак не выразил протеста, хотя к незнакомым никогда на руки не шёл.

Александр Владимирович уверенно шёл из клиники, а я семенила вслед за ним, таща сумку с нашими вещами. Мы подошли к "BMW", доктор открыл заднюю дверь и жестом пригласил меня, я ничего не понимающая, как под гипнозом, залезла в машину. Александр Владимирович передал мне сына, убрал сумку в багажник, сел за руль, повернулся, улыбнулся, подмигнул Серёже:

– Ну что поедем, Сергей, к деду в гости?

Я открыла было рот, но тут же закрыла.

– Борис ничего тебе не рассказал? – приподнял бровь мужчина.

Я только покачала головой.

– Неудивительно, он, наверное, меня ненавидит... – как-то грустно произнёс Захаров.

– Меня тоже...

Почти час мы добирались до коттеджного посёлка молча. Александр Владимирович остановился около двухэтажного

дома, нажал на пульт, и ворота сами открылись. Я посмотрела вокруг: довольно большой участок, несколько деревянных построек, расчищенные от февральского снега дорожки.

– Идём в дом, – пригласил Александр Владимирович, вытаскивая мою сумку из багажника.

Нас встретила в холле невысокая симпатичная женщина.

– Соня, познакомься, Маргарита, а это Серёжа, – произнёс мужчина.

Женщина протянула мне руку:

– Соня, – пожала ей руку, но немного напряглась.

– Рита... А как вас по отчеству.

– К чёрту отчество, – смеясь сказала брюнетка, – хочется ещё немного побыть молодой, – подмигнула мне женщина и переключилась на Серёжу. – Значит, это и есть наш внучок. Красавчик! Саша, а он в нашу породу пошёл: зелёные глаза наши, фамильные, – засмеялась она, – только жалко, что передаются лишь мужчинам.

– Я уже заметила...

– У Бори тоже зелёные? – спросила Соня в упор глядя на меня.

– Да, как у Серёжи.

– А он не приехал с вами?

Я только покачала головой:

– Там всё очень сложно...

– И почему я не удивлена? У Захаровых всегда очень сложно. Ладно, что ж я вас в пороге держу, – всплеснула ру-

ками Соня, – пойдём, я тебе вашу комнату покажу.

Мы поднялись на второй этаж.

– Здесь у нас четыре спальни и маленькая гостинная; кухня, кабинет брата, библиотека -внизу.

– У вас очень красиво.

– Спасибо! ... Я рада, что вы есть... – неожиданно при-
зналась Соня, – мы ведь с братом совсем одни, десять лет
назад, когда я попала в аварию, Саша меня забрал к себе, с
тех пор я только и занимаюсь, что домом.

Комната, в которую нас поселила Соня, была просторной,
у стены стояла большая двуспальная кровать, а у противопо-
ложной детская коечка. Около кровати стояло кресло, а на
нём восседал огромный медведь. Я подняла на Соню удив-
лённые глаза, она мне мило улыбнулась:

– Как только Саша мне рассказал о вас, я переделала эту
комнату в надежде, что когда-нибудь вы с Борей всё-таки
приедете к нам.

Мы два дня жили у Захаровых, Серёжа чувствовал себя
неплохо, зато у меня разрывалось сердце: Соня мне поведа-
ла историю родителей Бориса, я помнила, с какой горечью
он всегда говорил о том, что в его жизни был единственный
человек, который его любил – это дед.

Нет, Боречка, не только дед тебя любил, я тоже тебя люблю,
и мне очень жалко, что мать лишила тебя отцовской любви,
по сути она лишила тебя семьи. А я практически так же
поступила со своим сыном. Надо что-то делать! Надо это ис-

правлять срочно, ведь Боря даже не знает, что Серёжа его сын.

Александр Владимирович положил нас в клинику и уже даже назначил операцию. Я очень волновалась, слёзы всё время стояли в глазах.

Вечером к нам в палату зашёл Захаров:

– Рита, я хочу с тобой поговорить.

– Какие-то осложнения?

– Нет, нет... Успокойся. Всё в пределах нормы, насколько это вообще возможно. Я хотел поговорить о Борисе. Почему он не с вами?

– Он не знает, что Серёжа его сын, – Захаров в упор на меня посмотрел и покачал головой.

– Знает, он сам мне сказал об этом.

– Сомневаюсь, скорее всего он это сделал, чтобы вы нам помогли.

– Так скажи ему!

– Он считает меня предательницей, я ему сделала больно, – и опять эти слёзы, всё реву и реву...

Доктор меня обнял:

– Девочка, поверь мне, я бы всё что угодно отдал за то, чтоб мне рассказали о сыне, мне кажется, Борис в этом похож на меня. Подари ему жизнь, расскажи о сыне, о любви... Подумай... Послезавтра оперируем нашего красавчика.

И ушёл... Я посмотрела на сына, его маленькое хрупкое тельце, которое нуждалось в лечении, но ещё больше оно

нуждалось в отцовской любви.

Я покрутила смартфон в руках и набрала номер, по которому никогда не звонила, но который бережно сохранила и подписала "Любимый".

Казалось, что целая вечность прошла прежде чем мне ответили.

– Алло, Рита, что-то случилось?

– Приезжай, пожалуйста, – после небольшой паузы произнесла я.

– Хорошо, – и всё... снова гудки.

Борис

Я думал она уже никогда не позвонит... Не хочу навязываться, но и жить без неё не могу.

Опять сорвался, побежал по первому зову, как мальчишка. Я, наверное, ненормальный: сколько можно издеваться над собой, надо вытравить из сердца эту никому не нужную любовь. Как не нужную? А я? Мне-то она нужна!

Мне скоро тридцать! А в моей жизни пустота. Надо что-то менять!

Как назло, первый, кого я встретил стоило только зайти в клинику, был Захаров.

– Здравствуй, Борис, – протянул он мне руку.

Я кивнул и молча пожал.

– Пойдём поговорим.

Он проводил меня в свой кабинет.

– Присаживайся, указал отец на диван.

– Завтра на десять назначена операция, она будет долгой и трудной, поддержи Риту, она на грани. Запретила даже родителям приезжать.

Я вскинул удивлённый взгляд на профессора:

– Мне позвонила, – произнёс срывающимся голосом.

– Боря, я её мало знаю, но думаю, это что-то да значит. Будь с ней и с ним, – Захаров взял со стола рамку с фотографией и протянул мне. Ничего не понимая, взял портрет в руки: на меня смотрел зеленоглазый малыш. Я тут же отдал фото назад.

– Они в десятой палате, – сказал отец и протянул мне халат, – иди помойся, им сейчас инфекция ни к чему.

Я тихо открыл дверь в палату, Рита стояла у окна спиной ко мне, на руках она держала сына и о чём-то ему говорила. Вдруг она резко поворачивается, как будто почувствовала моё присутствие. Её лицо отображает целый спектр эмоций: от радости до неверия.

– Привет, – шепчу я.

– Привет, – также тихо отвечает мне Рита, – ты приехал...

– Приехал.

– Спасибо.

"Как я мог не приехать? Ну как? Ты же позвала!" – так и хочется крикнуть ей, но я опять молчу.

– Это Серёжа, – показывает мне Рита на малыша. Я с недоверием смотрю на мальчика, только что я видел его портрет у Захарова в кабинете. Что это? Зачем? Вдруг меня осеняет:

– Рита, чей он сын? – теперь уже громко и зло спрашиваю я.

Она опускает глаза, чувствует свою вину, понимаю я.

– Твой.

– Зачем? Зачем? Зачем?– разрезая воздух ладонью, кричу я.

Мальчик вздрагивает, начинает плакать. Сейчас мне лучше уйти, пока я не свернул шею этой паршивке, которая посмела меня обмануть.

Рита

Он догадался. Злится. Ушёл. Пусть идёт, ему надо это всё переварить и осмыслить. Он обязательно вернётся, и я сделаю всё, чтобы он меня простил. Он не имеет права меня не простить! Я его люблю и очень хочу, чтобы он меня тоже любил. Иначе зачем вообще жить?

До утра Боря так и не пришёл. Рано утром Серёжу у меня забрали, я как раненая тигрица в клетке, хожу из угла в угол и понимаю: от меня ничего не зависит. Срываюсь из палаты, на ходу накидываю куртку и бегу в Храм, который находится неподалёку.

– Боженька, покарай меня, накажи, только пусть мой сыночек живёт, только пусть он будет здоров.

Борис

Надо пойти к ней. Скоро операция, она, наверное, там с ума сходит одна. И тут я вижу её... Рита бегом пробежала мимо меня и не заметила.

– Рита!

Она не слышит, я выбегаю из здания клиники вслед за ней, она бежит в церковь. Почти час Рита стоит у иконы с изображением Николая Чудотворца и что-то шепчет, она меня не видит, но я стою за её спиной и тоже прошу здоровья нашему сыну, а ещё немного счастья для себя.

Рита выходит из Храма, всё также не замечая меня, и бредет к больнице.

– Рита, – всё же решаюсь окликнуть её.

– Она поворачивается, поднимает на меня глаза, полные боли, и я понимаю: всё, пропал, разве я могу теперь её оставить.

Серёжу увезли в операционную, Рита не похожа на себя, как будто не в себе. Рядом сидит какая-то женщина, ей немного за пятьдесят, я её не знаю, но она всё время, как мантру, повторяет Рите:

– С нашим мальчиком всё будет хорошо, всё будет хорошо...

Рита опять не выдерживает и плачет, я её обнимаю, целую в макушку, и так мы и сидим.

– Боречка, как хорошо, что ты приехал, – вдруг произносит женщина.

Я поднимаю на неё глаза:

– Мы знакомы?

– Это твоя тётя, сестра Александра Владимировича, Соня, – говорит Рита.

Если сказать, что я удивлён, это, значит, ничего не сказать...

15

Борис

Как долго тянется время! Когда сам нахожусь в операционной не замечаю этого, оказывается, по эту сторону дверей всё по-другому. Там всё зависит только от меня и моих коллег, и мы не имеем права на ошибку. Здесь же ничего не зависит от меня.

Я знаю, что Захаров большой специалист, что он сделает всё, что нужно. Но смотреть, как страдает моя девочка нет сил. Я видел, как она любит ребёнка, мне же только предстоит с ним познакомиться. От этого ещё обидней становится: она меня обманула, лишила надежды на счастье, лишила радости ожидания. Если б она только знала, как я хотел иметь сына, подарить ему всё то, чего был сам лишён в детстве.

Обида с новой силой поднимается во мне. Она не знает, что такое не иметь родителей! Не знает, что такое, быть ненужным любимым людям. Неужели она хотела, чтобы наш сын рос без отца? Это жестоко не только по отношению ко мне, но и к Серёже. Как же поступить дальше? Ума не приложу...

"Боречка, как хорошо, что ты приехал" – слова незнакомки вырывают меня из забытья, в которое я провалился, смакуя своё горе. Я отстраняюсь от Риты. "Это твоя тётя, сестра Александра Владимировича, Соня". Вот только тётя мне

сейчас не хватало! Я отца не очень-то хотел видеть.

– Детки, всё будет хорошо! Саша поможет, – не унимается Соня.

– Хватит! – резко обрываю, вижу, как две пары глаз с удивлением уставились на меня, – мне нужно проветриться.

Иду на улицу, а самого трясёт. Развели здесь семейную идиллию! Тридцать лет никому до меня дела не было, а тут – нате, пожалуйста! Бесит! Быстрее бы всё это закончилось! Что же делать? Как дальше-то жить?

Нет, сына я теперь не брошу, права свои предъявлю, а может, вообще заберу! Немного подышав свежим февральским воздухом, понимаю, никого я не заберу, Рита за него зубами будет цепляться. Но так хочется, чтоб ей было также больно, как и мне. Может, тогда поймёт эта маленькая дурочка, что со мной надо было дружить и любить, а не играть в непонятные игры с замужеством.

Через десять минут всё же возвращаюсь, Рита всё так же сидит, прислонив затылок к стене, и смотрит в пустоту. Трель звонка её телефона разрывает тишину.

– Нет, папа, операция ещё не закончилась... Зачем? Не нужно приезжать... Не хочу...

Смотрю на неё и вижу, жизнь, как будто покидает её хрупкое тело.

– Рит, ну правда, успокойся уже, так нельзя...

– А как можно? Тебе хорошо говорить!

– Да, мне хорошо! – зло бросаю и отхожу подальше, чтобы

ни дай бог не сорваться и не наорать на неё.

Плачет... Сердце разрывается...

Семь часов длилась операция. Наконец-то, Захаров вышел к нам, вижу усталось в глазах пожилого человека. Рита бросается к нему:

– Ну что, Александр Владимирович?

– Операция прошла успешно, будем наблюдать, теперь всё зависит от Серёжи.

Рита бросается на шею к Захарову и, захлёбываясь слезами, шепчет:

– Спасибо, спасибо... Можно к нему?

– Нет, Риточка, сегодня к нему нельзя. Завтра, если не случится ничего непредвиденного, увидишь его. А сейчас, поезжайте с Соней домой, отдохните, а я присмотрю за нашим мальчиком.

– Нет-нет, я где-нибудь здесь подожду, к вам далеко...

– Рита, идём со мной, завтра утром вернёмся, – беру её за руку.

Рита бросает на меня беглый взгляд и неожиданно соглашается. Веду её в гостиницу, что находится неподалёку от клиники. Захаровы провожают нас долгим взглядом, даже не окликавают.

В десяти минутах от клиники находится неплохая гостиница, я ещё утром снял там номер, сейчас веду Риту туда. У Захаровых моей ноги не будет! Теперь-то зачем? Мне это не надо.

Номер небольшой, но чистый, с двухспальной кроватью. Рита до сих пор не может прийти в себя.

– Рита, тебе надо отдохнуть, утром увидишь сына. Иди прими душ...

Рита, как сомнамбула, передвигается по номеру. Жалко смотреть.

Пока она в душе была, успели принести незатейливый ужин из ближайшего ресторанчика. Кое-как заставил её поесть:

– Тебе нужны будут силы! Ты должна быть здоровой ради Серёжи!

Немного поела и легла на кровать. Я оттодвинул столик с нашим ужином к стене, чтобы Рита не споткнулась о него, если встанет ночью, и сам отправился в душ.

Рита даже не обратила внимание, что мы будем спать в одной кровати. Она измотана эмоционально, при других обстоятельствах, я уверен, она бы никогда на это не согласилась.

Я так и не понял, что меня разбудило, только сердце моё выписывало какие-то странные кульбиты. Понимание приходит постепенно. Я в одной кровати с моей любимой девочкой, причём, она тесно прижимается ко мне. Теперь уже ощущаю не только сердечные кульбиты, моя плоть восстала и требует, чтобы её пристроили по назначению.

Робко подтягиваю одеяло на плечи, и только очутившись полностью под одеялом понимаю, моя девочка спит в одних

в трусиках. Конечно! Вещи её так и остались в больничной палате, где она ночевала с Серёжей. Рита лежит, тесно прижавшись ко мне, обнимая одной рукой. Вот! Вот откуда эти невероятные ощущения. Может, я всё ещё сплю?

Рита что-то бормочет во сне и губами касается моей груди. Сердце пропускает удар. В голове пролетает: "Я только поцелую".

Нахожу её губы, нежно касаюсь, она издаёт стон, и уже не могу себя контролировать, сгребаю её в объятия и начинаю страстно целовать, Риточка мне отвечает. Это придаёт мне только уверенности, и я начинаю действовать.

Мои руки скучали по этому идеальному телу, кажется, что оно не изменилось, но я так думаю, только до того момента, как мои руки находят грудь. Она больше, ещё аппетитней. Губы сами тянутся к соскам. Я втягиваю в рот один, лижу его, потом другой – непроизвольные стоны раз за разом вылетают из моего горла.

Рита

Какой чудесный сон! Боря целует мою грудь. Медленная дорожка поцелуев обжигает кожу на животе, ключице, шее... Снова опускается вниз, я уже не контролирую звуки, издаваемые мной. Хватаю любимого за волосы, прижимаю его голову к своему животу и выгибаюсь ему навстречу. Хочу его! Очень хочу! В голове проносится: какой реалистичный сон.

Дикое желание растёт в груди и закручивается где-то вни-

зу живота, тянущая боль распространяется по телу. Оно хочет освобождения. "Боряя", – шепчу я.

Горячие ладони скользят по моему телу, заставляя вновь и вновь прогибаться в спине. Кровь бурлит, а сердце бьётся в бешеном ритме. Он целует... целует... Дышать нечем, хочется освобождения. Руки любимого скользят по внутренней стороне бедра, выписывая только ему ведомые узоры, неожиданно он стягивает с меня трусики...

Стоп! Никакой это не сон! Я и Боря в кровати гостиничного номера, я сгораю от жажды неудовлетворённого желания. Боря наваливается всем весом своего тела, бесстыже прижимая вздыбленную плоть к моей промежности, я чувствую, что там неприлично мокро. Он опускается ниже, забрасывает мою ногу себе за плечо, вдыхает мой запах, его губы порхают у меня между ног: целует внутреннюю часть бедра совсем рядом от половых губок. Ещё мгновение и он уже целует самую чувствительную мою плоть.

Боря отрывает губы и просовывает в меня пальцы, нежно раздвигает складки и гладит внутри, постепенно ускоряет частоту движений, дразня затведевший бугорок моей плоти, в это время другая его ладонь настойчиво ласкает набухшую грудь.

– Аййй... – извиваюсь в сильных руках, резко замираю, закрываю глаза, кусая губы чуть ли не до крови. По телу проносится невероятный разряд тока и моя плоть сжимается вокруг его пальцев, в глазах искры...

Не успеваю прийти в себя, чувствую, что Боря одним мощным толчком входит в меня (я не поняла даже когда он избавился от белья). Он двигается во мне быстро, резко, не замечая моего протеста. Но протест очень быстро уходит, а во мне зарождается новое желание, которое снова заканчивается вспышкой. Борис выходит из меня и орошает живот своей спермой.

Какое-то время в полнейшей тишине номера слышно только наше сбивчивое дыхание.

Я иду в душ, долго стою под чуть тёплыми струями воды. Что это было? Я так соскучилась по ласкам, что сейчас ноги буквально подворачивались от неожиданно нахлынувшей неги. Может, это начало нашей новой совместной жизни? Так хочется в это верить...

– Прости, мы просто эмоционально вчера вымотались, и нам нужна была разрядка, – первое что слышу я, когда выхожу из душа, ушат холодной воды, иначе и не скажешь, выливает на меня любимый Боречка.

Вот тебе начало новой жизни! Эмоциональная, блин, развязка! Ком подкатил к горлу, но я не покажу ему, как же мне больно, как я ждала совершенно другого продолжения.

Ещё слишком рано, но теперь уж точно не усну. Кое-как дожидаясь восьми часов и иду в больницу. Борис молчит всё утро, идёт вслед за мной. Убедившись, что с Серёжей всё хорошо, даже зайдя вместе со мной в реанимацию на минутку, куда нас всё-таки впустил, после долгих упрашиваний Алек-

сандр Владимирович, куда-то уезжает.

Борис

Вот дурак! Зачем я это сделал! Теперь ещё сложнее будет держаться от этой предательницы на расстоянии. Но соблазн был так велик, а её тело так податливо, я почти был уверен, что она во сне видела, что я занимаюсь с ней любовью. Да, то, что произошло между нами это именно любовь, а не трах. Сейчас очень модно это действие так называть, но я чувствую нечто большее... Стоит только вспомнить, как плоть снова встаёт.

В душе шумит вода, представляю, как капли стекают по её груди – сразу хочется к ней присоединиться и повторить то, что только что произошло. И не раз, и в разных позах. Помешательство какое-то!

"Она предательница! Изменница! Я не могу её хотеть!" – пытаюсь объяснить своему глупому сердцу.

С Серёжей всё будет хорошо, от меня ничего не зависит, надо уматывать отсюда, пока не начал ползать перед девчонкой на коленях, умоляя вернуться ко мне.

16

Борис

Неизвестность пугает... Что там у них происходит? Всё-таки решаюсь позвонить Захарову, хорошо, что не выкинул визитку, которую он мне так навязчиво засунул в карман.

– Слушаю.

– Как там Серёжа? – откашлявшись, спрашиваю, даже не поздоровавшись. Вот это воспитание! А что они хотят от брошенного ребёнка?

– Здравствуй, Боря, – узнал-таки папашка, – с Серёжей всё хорошо, а вот Рите явно нужна помощь. На неё страшно смотреть, вымотала себя, отец приехал – так она его прогнала домой. Почему ты сейчас не с ней?

Да я сам не знаю почему! Себе объяснить не могу, не то что кому-нибудь.

– Борис, ты меня слышишь? Я не знаю, что у вас там произошло, но сейчас ты ей очень нужен.

У меня нет сил это обсуждать с кем-то. Прервал звонок, так и не дослушав речь не состоявшегося папаши. Боже! Что я несу? А я-то чем лучше? Обиделся видите ли! Она ведь пришла, пусть и сразу не сказала, но пришла! Моя-то мать ведь даже не подумала. Решение созрело молниеносно. И вот уже на столе у заведующего заявление на отпуск.

– Борис! Я не могу дать тебе отпуск, ты и так только с отгулов вышел.

– Хорошо, – спокойно говорю я, – беру чистый лист бумаги и пишу заявление об уходе.

– Ты серьёзно?

– Серьёзной некуда!

Сергей Ильич внимательно на меня посмотрел, видимо, вид мой ему не очень-то и понравился, покачал головой, порвал заявление об уходе и подписал на отпуск.

– Надеюсь тебе хватит этого времени решить все свои проблемы.

Я только плечами пожал, сам бы очень хотел в это верить.

Захаров несколько не преувеличивал, когда говорил о Рите: под глазами тёмные круги, на голове дулька, которую она, наверное, вторые сутки не расчёсывала, всё та же футболка.

Серёжу сегодня перевели из реанимации в палату, но он ещё слаб и находится под лекарственными препаратами, Рита молча сидит около ребёнка и гладит его маленькую ручку, из которой торчит катетор.

Как её отсюда вытащить? Ничего на ум не приходит, упрямая ведь.

Иду к Захарову. Он на месте, это радует.

– Здравсьте, – бурчу с порога.

– А, Борис, приехал всё-таки! Это хорошо.

– Скажите, а можно вашу сестру попросить посидеть с Серёжей пару часов.

– В этом нет необходимости, медсестры присмотрят.

– Боюсь, Рита на это не согласится, а Соне, как я понял, она доверяет.

Я нахожусь в палате уже час, Рита, похоже меня не замечает, ну или делает вид, что не замечает. С приходом Сони всё вокруг оживляется, даже я, скептически настроенный против Захаровых, начинаю испытывать к этой женщине позитивные эмоции.

– Риточка, солнышко, тебе нужно срочно освежиться и отдохнуть. Ты когда, солнышко, в последний раз ела?

Рита пожимает плечами. Соня с укором смотрит на меня. А я и сам ощущаю себя бездушным чурбаном.

Спустя ещё час уговоров нам всё-таки удаётся убедить Риту, что за два часа с Серёжей ничего не случится.

Перекусив в ближайшем ресторанчике, мы пришли всё в ту же гостиницу. Благо свободный номер снова нашёлся. Рита приняла душ и уснула. Сон у неё беспокойный: она то всхлипывает, то открывает глаза и подскакивает. Специально сел около неё, успокаивающе поглаживаю, стерегу её сон.

Девочка моя, как же тебе плохо... Что же с тобой происходит...

Рита снова подскакивает, но снова не ложится, а смотрит на меня в упор, потом резко тянется в мои объятия, уткнувшись в плечо, плачет.

Сердце разрывается на части, прижимаю её к себе и дарю ей успокоение, в котором она нуждается.

Рита

Две недели, как в тумане. Боря всё время рядом со мной и Серёжей. Нет, мы больше не занимаемся любовью, не целуемся даже, но я чувствую его присутствие, его случайные и неслучайные прикосновения, успокаивающие объятия. С ним хорошо...

Нас выписывают, Захаров предлагает пожить у него, понаблюдать за Серёжей.

– Нет, мы поедem домой, – категорически заявляет Борис, – вы не забыли, Александр Владимирович, я тоже врач, думаю, мы теперь сами справимся. Спасибо вам, что не остались равнодушным к нашему несчастью.

– Ну хорошо... – вздыхает доктор, я вижу он разочарован.

Скорее всего это была уловка, мужчина пытался заманить к себе домой сына. За прошлые две недели Захаров делал несколько таких попыток, но Боря не поддался ни на одну из них.

Приехала Соня попрощаться с нами, женщина не скрывала слёз и просила звонить, а лучше приехать в гости.

Уже в такси Боря решилcя со мной на разговор:

– Рита, вам лучше сейчас пожить у меня, – я в недоумении уставилась на мужчину. Он немного смутился, но убедительно продолжал, – за Серёжей нужно пока присматривать, а так я буду всегда рядом.

Рациональное зерно, конечно, было в его предложении, но я не представляла, как это может быть в реальности.

– Я ни к чему тебя не принуждаю, просто ради сына будем пока жить под одной крышей. Как только Серёжа восстановится решишь, где вам лучше.

Вот так вот всё просто! Поживи, Риточка, сыночек поправится и лети, голубка, на все четыре стороны. Чего-чего, но уж не такого завершения отношений я ожидала. Проглотила ком, который стоял в горле и согласно кивнула. Ну в самом деле, на что я рассчитывала?! На клятвы в вечной любви?

Даже до моего замужества он ни разу ни словом о ней не обмолвился, теперь-то откуда ей взяться?

Подумаешь, переспали один раз. Это же была "эмоциональная разрядка" – передразнила я его. Взрослые люди иногда занимаются сексом. Но как же хочется, чтобы эти занятия повторялись как можно чаще! Моё тело так скучало по ласкам Бори, да и сама я была непрочь подарить приятные минуты этому мужчине. Он стал моей навязчивой идеей. Испытав однажды с ним оргазм, я уже на меньшее не хотела размениваться. У меня был шанс убедиться, что именно Боря МОЙ мужчина.

Надо придумать родителям, что мы переезжаем к Боре, они должны были нас встретить на вокзале. Ни отец, ни мать так и не завели разговор о нём, наверное, ждали, пока сама расскажу. Но я пока была не готова к откровениям. С Наташкой, кстати, мы тоже отдалились. Сашка постарался! Иногда только созванивались и очень редко встречались. Вот так получилось – кругом народ, а я одна!

Родители всё же нас встретили, отнеслись спокойно к моему решению переехать к Боре, даже сами отвезли. Борис, правда, нас тут же оставил, сказал, что надо решить кое-какие вопросы. Пока я осваивала территорию, он вернулся, привёз новёхонькую кроватку для сына и много нужных вещей. Я даже растерялась, ломала голову, как бы нам с Серёжей поудобней устроиться.

– Располагайтесь в этой комнате, – Борис проводил нас в

просторную комнату, когда-то это была его комната, после смерти деда он перехал в его спальню, из которой одновременно сделал и кабинет, – сейчас поставим кровать, а потом посмотрим, что ещё нужно прикупить.

– Боря, у нас всё есть, просто я сейчас позвоню отцу и он всё привезёт...

– Зачем? Купим всё необходимое.

Напряжение между нами не проходит. Вроде и пытаемся говорить нормально, но только разговоры все сводятся к тому хорошо ли Серёжа себя чувствует, поел ли он, нужно ли ему ещё что-то. В душе огромная чёрная яма, и с каждым днём эта яма превращается в ямищу...

Борис возвращается на работу, а я занимаюсь Серёжей. И хотя у нас комфортные условия, но морально я вымотана.

Весна уже вступила в свои права, мы подолгу гуляем с сыном в парке, люблю приходить на наше с Борей место, скоро будет работать мой любимый фонтан. Как же я скучаю по тем временам, когда у нас всё только начиналось, когда мы вместе смеялись, о будущем даже говорили.

Теперь я боюсь вообще думать о будущем, моя жизнь сводится к одному времени: здесь и сейчас!

Возвращаемся с Серёжей домой (очень быстро квартира Бори стала для меня домом!), около подъезда нас поживает разъярённая фурия:

– Какого хрена ты прицепилась к Боре, – хватает меня за руку его бывшая (а может, и не бывшая!) – ещё притащила

ему своего ублюдка! Лучше по-хорошему проваливай или я за себя не ручаюсь!

– Катерина, а теперь всё это повтори мне, – неожиданно слышу я из-за спины, – идите домой, – обращается уже ко мне Борис.

Долго уговаривать меня не пришлось, вытаскиваю сына из коляски и быстро ухожу. О чём они говорят меня не интересует, но я точно уверена, что так больше продолжаться не может. Надо ответить для себя на два вопроса: что делать и как дальше жить? Про кто виноват я уж даже и не спрашиваю и так знаю: Маргарита Сергеевна Ковалёва, которая по неосторожности стала Антоновой.

Борис

Катерина взорвала мой мозг, неожиданно появившись в очередной раз на пороге нашего дома (сам не заметил, как стал считать дом нашим – моим Ритиным и Серёжиным), но по сути она задавала правильные вопросы: кто мне Рита? Ответ, конечно, однозначный – мать моего ребёнка! А вот тут загвоздка получается – сына-то по документам у меня нет! Вот Ритка зараза!!! Твою ж мать!..

17

Борис

– Надо поговорить, – начал я с порога.

– Наверное, уже надо. Борь, ты не переживай, мы скоро уедем к отцу.

– Что ты там надумала?! – психанул я.

– Я ж вижу, мы мешаем...

– Да ни хрена ты не видишь!!! – я настолько вышел из себя, что уже не соображал, что делаю, она меня бесила и в то же время притягивала. Я спать нормально не мог. Как псих ходил ночью к ней в спальню, смотрел часами. Что со мной будет, если она уйдёт?

Я схватил Риту за руку и резко притянул к себе. Впился в её губы своими – заставлю тебя остаться! Выбью из головы все твои дурные мысли! Иначе вообще психом стану: мне тридцать лет, я нормальный мужик, а уже два месяца бабу не имел. Всё ты! Из-за тебя у меня не встаёт ни на кого!

Я не церемонился с ней, словно обезумел... слетел с катушек... Губы всё ещё жёстко впивались в её, а руки уже исследовали любимое тело. Я прервал сумасшедший поцелуй, заглянул ей в глаза. Её взгляд обжигал.

– Ведьма! – прошептал ей куда-то в грудь и потащил в спальню, при этом заглянул в её комнату, увидел, что сын мирно спит в кроватке, пошёл дальше.

Меня лихорадило, как будто я подхватил какой-нибудь вирус. Хотя почему какой-нибудь? Я знал имя моего вируса – РИТА! Она как яд распространялась по моему организму и, чтобы вывести этот яд, был только один способ. Я не был уверен, что за один раз я от него избавлюсь, но сейчас мне было всё равно, лишь бы получить желаемое.

Я кинул Риту на кровать, быстро стал избавляться от своей одежды, она пристально на меня смотрела. Каждая кле-

точка моего тела уже горела огнём, я безумно её хотел. Она это видела, скрыть моё желание уже было невозможно.

– Никуда ты не уедешь! Слышишь?

– Слышу... Не уеду...

Рита пожирала меня своими синими глазищами, обезумевшими от страсти. Как давно я в них не заглядывал! В такие минуты они становились ещё ярче...

Одежда на ней явно была лишней. Между поцелуями мы от неё избавились. Медленно ввёл в горячее влагиалище девушки два пальца, кайфуя от нежного трепыхания её половых губок. Она была готова, она истекала своими соками – ждала меня!

Одним резким движением вошёл в неё. Сил продолжать наши игры не было: всё потом, потом... а сейчас мне нужно освобождение. Я быстро нарастил темп, Рита отвечала мне, в какой-то момент её ноги сомкнулись у меня на пояснице, притянув ещё ближе к себе. Я ускорился, по её лицу увидел, что моя девочка на пределе, ещё немного... и она потеряла контроль над собой, завывла в голос. Это меня ещё больше подстегнуло, я таранил её жёстче, погружаясь всё глубже и глубже... После чего зарычал и излился в неё. Ноги сделались ватными, я скатился с Риты, закрыл глаза, перед которыми до сих пор ходили разноцветные круги.

– Если ты сейчас скажешь, что нам нужна была "эмоциональная разрядка", я тебя убью! – зло проговорила любимая.

– Нам нужна была эмоциональная разрядка, – Рита наки-

нулась на меня с кулаками, я поймал её руки, прижал к кровати и прошептал в самые губы, – мне очень нужна эта разрядка и как можно чаще, – поцелуй получился долгим и нежным, но он не перешёл в нечто большее, потому что сыннок вдруг огласил квартиру недовольным воплем.

– Лежи, я подойду к нему, – чмокнул Риту в губы, натянул домашние штаны, футболку и отправился к сыну.

– Ну что ж ты так кричишь, Сергей? Родителям нужно было побыть наедине, – услышала Рита, засыпая с улыбкой на губах и надеждой в сердце.

Рита

Я медленно открывала глаза, ещё не понимая, что происходит и где я. Осознание, наконец-то, пришло... Мы снова были вместе, он сказал, что хочет, чтобы это ещё повторилось. Хорошо, пусть повторяется, я согласна, лишь бы не уходить от него. Это не то, о чём я мечтала (наивная была: грезила о большой и светлой любви), но лучше так, чем вообще никак.

До моего слуха снова долетели какие посторонние звуки. Выбралась из его постели, завернулась в простыню, не хотелось натягивать на себя джинсы, в которых была на прогулке, а все мои вещи находились в другой комнате.

Тихонько открыла дверь, собираясь незаметно пробраться к себе, но застыла на пороге, увидев в зеркале напротив отражение происходящего в гостиной. На диване сидела Соня и о чём-то разговаривала с Борей. Его лицо было напря-

жено, брови недовольно нахмурены. Я уже научилась читать его настроение по лицу.

Дверь была открытой, поэтому проскользнуть незамеченной мимо не получилось. Соня и Боря одновременно посмотрели на меня, я засмущалась и покраснела:

– Извините, – юркнула в свою комнату, при этом успела поймать насмешливый взгляд Бориса, который одной рукой придерживал Серёжу, наровившего спрыгнуть с дивана.

Я перевела дух, переделалась в лёгкое домашнее платье и, смущаясь, вошла в гостиную.

– Здравствуйте, Соня, извините, – я кивнула головой на вход, Соня сразу поняла, о чём идёт речь, улыбнулась, но улыбка получилась какая-то невесёлая, – у вас что-то случилось?

Соня посмотрела на Бориса, пожала плечами:

– Саша заболел.

– Что-то серьёзное?

– Пока трудно судить. Вам нужна помощь?

Соня снова посмотрела на Борю, я начинала догадываться о сути их разговора.

– Сонечка, а давайте мы сейчас не будем грустить, идёмте пить чай!

Я схватила женщину за руку и потащила на кухню, оставив Борю с сыном. Их знакомство произошло неожиданно и Боря долго привыкал к отцовским обязанностям, мне казалось, что он просто боится взять мальчика на руки. Когда же

это впервые произошло, у Бори был странный взгляд: непонимание и нежность одновременно в нём читались. А ещё я видела, как меня в тот момент он ненавидел, но только со временем ненависть исчезла из его глаз, и это вселяло в меня надежду на будущее.

За чашкой чая Соня рассказала, что во время очередной операции Александру Владимировичу стало плохо, случился сердечный приступ, сейчас он уже дома, но он в страшной депрессии. Соня хотела, чтобы мы втроём приехали к ним погостить, она искренне надеялась, что это поможет брату.

Я же очень сомневалась в том, что Боря захочет поехать, он был категорически настроен против отца.

– Соня, давайте не будем давить на Боря. Он на всех обижен: на мать, на отца, – я сделала небольшую паузу, вздохнула – на меня...

Соня пристально посмотрела на меня и кивнула головой в знак согласия.

– Мне показалось, что вы помирились, – Борина тётя явно намекала на то, в каком виде я вышла из спальни.

– Всё очень сложно, но я вам обещаю, что поговорю с ним и сделаю всё возможное, чтобы он согласился навестить Александра Владимировича.

– Спасибо Риточка, для нас это очень важно. Пообещай мне, пожалуйста, что если Боря не согласится приехать, вы с малышом навестите нас.

– Обязательно!

Соня буквально тут же уехала, сославшись на то, что её ждёт машина внизу.

Борис

Серёжа не дал воплотить в реальность мои фантазии. Ну что делать? Вот так, отец, привыкай! Самое интересное, что я уже начал себя ощущать отцом. Вначале, когда увидел отражение своих глаз в мальчишке, почувствовал только злость на Риту, что она лишила меня возможности знакомства с собственным ребёнком раньше. Потом мной одолел страх, что может случиться так, что и не будет у меня возможности познакомиться с сыном, затем готов был придумать девчонку, что посмела выйти замуж за другого, когда была беременна от меня.

Никак не мог понять, что её заставило. Может, ей не понравился секс со мной? Может, он лучше её удовлетворял? Ревность и злость сидели во мне и разъедали изнутри, решил больше к ней не прикасаться, не хочу, чтобы она постоянно нас сравнивала. Пытался даже переспать с новенькой медсестрой, но не смог. Девка, наверное, меня за импотента приняла: знала бы она, что стоит мне только подумать о той вредине, которая сейчас спит в моей кровати, так я сразу же готов к постельным подвигам.

Серёжа выпался после долгой прогулки, теперь требовал сменить памперс и поесть. Я быстро научился этим примудростям, хотя поначалу даже на руки боялся брать.

Сын уже доедал свою любимую пюрешку, когда раздал-

ся звонок домофона. Тётушка собственной персоны! Неожиданно!

Соня прошла в гостиную, куда я её проводил. Видел, что женщина сильно нервничала, всё время поправляла лёгкий газовый шарф на шее. Я же ждал, когда она сама начнёт разговор.

– Присаживайтесь, кивнул ей на диван, Серёжа у меня на руках начал крутиться, чем привлёк внимание Сони. Она искренне улыбнулась малышу, протянула руки, но он вцепился в футболку ручонками и спрятал своё личико у меня на плече. Неимоверная нежность и счастье поднимались в моей душе.

Соня немного помолчала и заговорила:

– Боря, у Саши был сердечный приступ, – я посмотрел ей в глаза, – сейчас он дома, но всё ещё слаб. Боречка, прошу тебя поговори с ним, вам есть что сказать друг другу.

Я приподнял правую бровь, показывая тем самым своё непонимание.

– Я знаю, ты обижен на них, но отец ничего не знал.

– У меня никогда не было отца...

Глаза Сони наполнились слёзами:

– Он готов всё поменять, ты ему нужен...

– А мне он – нет...

Тут из моей спальни вырулила Ритка, завёрнутая в простыню, немного растрёпанные волосы только придавали ей очарования. Я хотел бы сейчас схватить её в охапку и пота-

щить назад, в кровать, а вынужден был сидеть и слушать тётку.

Рита пригласила Соню пить чай, мне же было неинтересно слушать их разговоры, поэтому я уселся на пол рядом с сыном, который наровил уползти из гостиной.

Тётя быстро ушла. Рита проводила её до такси и вернулась.

– Почему ты не хочешь поговорить с Захаровым? – начала она.

– А зачем? Меня в моей жизни всё устраивает.

– Всё-всё? – она пристально посмотрела на меня.

– Нет, не всё! – я понял, что сейчас очень удачный момент озвучить мои требования, – я хочу, чтобы МОЙ сын носил МОЮ фамилию.

– Согласна, – вот так просто она дала согласие.

– А ещё хочу, чтобы ты развелась со своим Антоновым.

– Он уже давно не мой, – вздохнула Рита, как будто сожалела, меня это просто взбесило.

– Так почему ещё не развелась? – зло крикнул я. Рита только пожала плечами.

– Я подам заявление в суд, ты же понимаешь: Серёжа официально его сын, придётся пройти через всю эту волокиту.

– Да мне плевать! Он мой сын!

– Боря, я же не спорю с этим, – Рита подошла ко мне очень близко, положила руку на грудь, а под ней бешено стучало сердце, – я всё сделаю, но пообещай мне, что в следующие

выходные мы съездим к Захаровым.

Во мне всё клокотало, никуда я не хотел ехать, но эта за-сранка приподнялась на цыпочки и нежно поцеловала. Был готов схватить её в охапку, но почувствовал, как Серёжа ухватился за меня и первый раз самостоятельно встал на ножки, что-то бормоча на своём тарабарском, поднял свою головку и смотрел огромными глазищами, переводя взгляд с Риты на меня.

– Ну как ты можешь нам отказать? – улыбаясь, спросила Рита.

Да никак! Я им не могу вообще ни в чём отказать!

– Уговорили, в выходные едем в Москву...

18

Рита

Я видела, как Борис боролся со своим желанием отказать мне в поездке, но была абсолютно уверена, что встреча с Захаровым никак не повредит ни одному, ни другому. Он, словно ребёнок, затаил обиду на взрослых и никак не хотел их прощать.

Да уж ... эти самые взрослые сильно постарались, чтобы в замечательном сердце поселилась обида.

Каждый раз, видя его мучения, хотелось подойти, приласкать и сказать, как сильно я его люблю, только вот и во мне сидели те самые сомнения, а нужно ли это ему. Единственное, что я точно знала, жизнь нас прилично потрепала. В этом мы были похожи, может, поэтому и рождалось желание

быть вместе. Борис, лишённый родительской любви и ласки, пытался всеми силами вернуть это нашему сыну, я думаю, поэтому и держался за подобие семьи, которое было у нас.

В субботу утром мы поехали в Москву на машине, Боря всю дорогу хмурился и был не разговорчив. Шесть часов мы добирались до места, осталось всего пару километров до коттеджного посёлка, где жили Захаровы. Борис свернул на обочину, взял из бордачка пачку сигарет, вышел из машины и закурил. Самое интересное так это то, что я впервые видела его с сигаретой в руках.

Серёжа сопел в детском кресле на заднем сиденье, поэтому я тихонько, чтобы не разбудить сына, тоже вышла. Борис не смотрел на меня, хотя, конечно же, видел все мои передвижения. Я подошла к нему, также как и он, спиной привалилась к машине.

– Ты разве куришь?

– Редко, только когда нервничаю... Я не понимаю, зачем мы туда едем...

Мне очень хотелось его пожалеть, но я просто погладила его по руке, ухватилась за неё, прижалась плотнее и положила голову на плечо. Боря так и не посмотрел на меня, но я почувствовала, что он немного расслабился.

– Меня же ты принял, не выгнал из своей жизни, вот и его прими.

– Это другое.

– А ты будь мудрее, просто представь, что тебе судьба

предоставила шанс познакомиться с новым человеком, о котором ты ничего не знаешь, ни кто он, ни что из себя представляет... Просто познакомься поближе и всё... Там видно будет, нужно тебе это знакомство или нет.

Боря на меня внимательно посмотрел:

– Знаешь, я иногда думаю, что ты старше меня, по крайней мере мудрей, – мне была приятна его похвала.

Борис докурил сигарету, ещё немного постоял и scomандовал:

– Ну что, штурман, показывай дорогу к новым родственникам, – я широко ему улыбнулась и залезла в машину.

Только мы подъехали к воротам, как они тут же распахнулись, навстречу нам уже спешила Соня, как будто стояла у окна и только и ждала нашего приезда. Я её вчера предупредила, что мне удалось уговорить Борю на небольшое путешествие.

Тётушка меня и Серёжу расцеловала в обе щёки, а потом робко повернулась к Боре. Надо сказать, я удивилась, когда увидела, что он наклонился вперед, подставляя щёки для поцелуя Соне. Женщина так обрадовалась неожиданному порыву племянника, что крепко его обняла и со слезами на глазах поизнесла:

– Как я рада... Ну что мы тут стоим идёмте в дом, – пригласила Соня.

Боря вытащил две небольшие сумки, в одной находились вещи Серёжи, а в другой наши. После прошлой нашей неза-

планированной близости мы каждую ночь спали в одной кровати, поэтому мне показалось логичным, что и у Захаровых мы остановимся в одной комнате (и я уже даже догадывалась в какой!)

В холле нас встретил Александр Владимирович, он скупно, по-мужски, поприветствовал Боря, пожав ему руку, меня же и Серёжу, как и Соня, поцеловал в щеки. Два высоких мужчины, безумно похожих друг на друга, стояли рядом и явно испытывали некоторую неловкость. Соня это тоже заметила и взяла бразды правления в свои руки.

– Так, мои дорогие, идите в свою комнату, умойтесь после дороги и возвращайтесь обедать. Риточка, ты помнишь, где находится ваша комната?

– Да, конечно.

Я направилась на второй этаж, держа на руках сына, Боря молча шёл за нами. Уже на верхней площадке я бросила взгляд вниз и увидела, что Александр Владимирович до сих пор не сводил взгляд с напряжённой спины сына.

Борис был удивлён, когда увидел комнату:

– Они ж сказали, что у них нет детей. Откуда тогда здесь кроватька?

– Соня специально эту комнату сделала к нашему первому приезду.

– Она знала, что вы поселитесь здесь?

– Она просто на это надеялась. А он? – Боря неопределённо кивнул головой, но я и так понимала, про кого он говорит.

– И он, думаю, тоже...

Мы быстро приняли душ искупали сына и спустились в столовую, где нас ждали Захаровы.

– Как чувствует себя Серёжа? Ты по телефону сказала, что вы у себя в городе консультировались у кардиолога.

– Да, мы ездили к специалисту, он сказал, что всё хорошо.

– Не будите возражать, если я его позже посмотрю, – сказал док, глядя на Бориса, но тот только покачал головой.

– Конечно, нет, – вмешалась я, – мы даже очень этого хотели бы.

Захаров улыбнулся мне, а взгляд его вернулся к сыну. Борис видимо почувствовал неловкость от своего безмолвия, прокашлялся:

– Софья Владимировна сказала, что у вас был сердечный приступ, – Захаров бросил убийственный взгляд на сестру.

– Всё обошлось, я сейчас взял небольшой отпуск.

– Ты говорил, что тоже хирург, – перевёл разговор Александр Владимирович. Работаешь в той же больнице, что и мать?

– Нет, я проходил ординатуру в другой больнице, там же и остался.

– Саша, ну что ж ты пристал к ребятам, давайте уже обедать!

За обедом напряжение немного спало, правда, разговор в основном крутился вокруг Серёжи, говорили об его успехах. Потом Соня предложила нам с Борей осмотреть окрест-

ности, при этом категорически отказалась отпустить с нами Серёжу.

Мы поехали в указанном направлении. За посёлком располагался красивый парк, через который мы решили прогуляться пешком.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовалась я у Бори, он пожал плечами и пнул какой-то камешек, – жалеешь, что приехал сюда?

– Не знаю... – я уже и не надеялась на продолжение разговора, как вдруг Борис начал откровенничать, – знаешь, вот вроде они и не сделали мне ничего плохого, а не могу относиться к ним, не как к предателям...

– На всё нужно время, подожди немного, всё будет хорошо...

– А у нас? – неожиданно он перевёл разговор.

Мы медленно брели по парку, но оказалось, что уже зашли довольно далеко, перед нами открылся берег красивого пруда, здесь лежало большое бревно и, видимо, его использовали вместо лавочки. Мы присели, наблюдая за птицами, летающими над водой. Я понимала о чём он спрашивал, но сама не знала ответа на его вопрос:

– Хочется в это верить...

Борис неожиданно притянул меня к себе и впился в губы. Я анула, но ответила. Боря тут же сменил темп поцелуя, он стал более нежным, я затрепетала в его объятиях, и поцелуев вдруг стало мало...

– Пойдём, – мужчина схватил меня за руку и куда-то потащил, оказывается, неподалёку находилась беседка, но я её почему-то раньше не заметила, видимо, была погружена в свои невесёлые мысли.

Беседка с одной стороны была огорожена стеной, вдоль неё стояла широкая лавка, в центре небольшой стол, прикрученный к полу. Мы "влетели" в беседку, уже ничего не соображая, на ходу Боря задрал мою футболку и впился в торчащий сосок, другой рукой он уже сдирал с меня бриджи. Я подалась назад, желая ему помочь, но он, видимо, меня не понял и больно прикусил сосок. Я вскрикнула от боли, но тут же расслабилась, когда он начал его ласкать языком, потом переметнулся ко второму. Легкий весенний ветерок, обдул влажные соски, и они ещё больше затвердели, точно так же как и член мужчины.

Борис быстро нащупал рукой моё чувствительное местечко, провёл по промежности вверх-вниз, собирая пальцами влагу, услышал вскрик и с рыком выпустил на волю своего зверя. Он приподнял меня, насадил на свой готовый инструмент и опустился на лавку, я обхватила его за талию ногами, и мы начали невообразимо дикую скачку, которая очень быстро пришла к финишу, при этом оба наездника остались довольны. Мы так ещё какое-то время посидели, не разнимая тел, потом оделись и вернулись к машине. Прогулка удалась на славу!

Борис

Хотелось себя ущипнуть: как-то всё складывалось всё очень хорошо, даже уже переставали напрягать новые родственнички. Вот это и настораживало...

Соня оказалась очень милой женщиной, и я даже немного жалел, что не познакомился с ней раньше. Будь у меня такая тётя в детстве, может, и не было бы в голове столько тараканов. Захаров же казался замкнутым и очень серьёзным мужчиной, хотя и ему были не чужды человеческие эмоции. Я видел, что брат и сестра очень близки.

У меня никогда не было таких тёплых отношений ни с братом, ни с сестрой. Несмотря на то, что я был старше, брат всегда издевался надо мной, видимо, чувствуя поддержку своего отца. Я же всегда слышал приказы: не смей, не тронь, только попробуй... и никогда даже мать не вставала на мою сторону. В детском возрасте чувство незащищённости особенно обострено. Обида съедала меня изнутри, в такие моменты ещё больше мечтал переехать к деду.

Я хотел бы, чтобы у Серёжи был близкий человек, который стал бы ему братом и другом. Неожиданная мысль, посетившая меня, начала расцветать в моем подсознании, я понял, что совершенно не против, чтобы у нас появился ещё один малыш, которого буду любить несколько не меньше.

Вернувшись с прогулки, мы не застали внизу ни Сони, ни её брата. Каково же было моё удивление, когда я услышал (впервые!) смех Захарова, он доносился сверху. Войдя в го-

стинную на втором этаже, я замер... Алесандр Владимирович держал Серёжу на руках и что-то ему показывал, тот же забавно тыкал пальцем в картинку и лепетал, мужчина же искренне посмеивался. Я невольно вспомнил своего деда, который уделял мне много внимания, он по сути-то и заменил родителей. Эта ассоциация родила какие-то необъяснимые чувства: почему-то сейчас я не испытывал обиду на Захарова.

Я видел, как Ритин отец любит внука, готов последнее отдать, лишь бы у него всё было хорошо, в его глазах всегда светилось обожание. Невольно сравнил этих мужчин, как не странно, разницы не увидел. Неужели Захарову не безразличен мой сын? Вначале я хотел оправдать увиденное тем, что Серёжа его пациент, но совесть и глаза говорили: "Дорогой, это здесь ни причём! Просто Захаров хороший человек, и он не виноват в твоих бедах!"

Впрочем, мужчина смутился, когда увидел нас, передал внука Соне. Мы долго говорили о пустяках, Соня рассказывала о себе и задавала вопросы о моём детстве, я неохотно и скупо отвечал. После ужина Захаров позвал меня в библиотеку. Он долго не мог заговорить, я видел, что его волнение.

– Борис, а ты не хотел бы работать здесь, в Москве? – наконец-то начал он.

Я ожидал чего угодно, но начало этого разговора меня сильно удивило.

– Как-то не думал об этом...

– Знаешь, в клинике, где делали операцию Серёже, я не просто работаю... Мы её открыли на пару с моим другом, но я так люблю своё дело, что продолжал до последнего оперировать... Очень хочу вернуться в операционную, но боюсь, что смогу в ближайшее время только консультировать.

Я понимающе кивнул. "Видимо, тот приступ был не таким уж и пустячным", – решил я.

– Борис, ты мой единственный ребёнок... – Захаров пристально на меня посмотрел, – понимаю, незнание не оправдывает меня, но я очень хочу, чтобы мы больше общались.

Я чувствовал, что это откровение трудно даётся ему, не знал как реагировать.

– Ты уж извини, но мне было очень интересно узнать, как живёт мой сын, чем занимается... Твои коллеги о тебе очень хорошо отзываются, – мне это не понравилось, я начинал злиться, хотя понимал, что Захаров поступил честно, признавшись в этом, – предлагаю тебе место в нашей клинике, пока простым хирургом, со временем займёшь моё место.

Я растерялся от такого неожиданного предложения. Только было открыл рот, но "отец" поднял руку в предупреждающем жесте:

– Ты не торопись давать ответ. Посоветуйся с Ритой... Вы ведь наконец-то вместе?

Я только кивнул.

– Хорошо, я подумаю, – встал, хотел уйти, но повернулся, пристально посмотрел на мужчину, который немного сгор-

бившись сидел за столом, – в любом случае спасибо за предложение... – немного помолчал, прокашлялся, – мне не хватало отца...

– Мне тоже не хватало сына...

Рита, наоборот, с воодушевлением восприняла предложение перебраться в Москву и даже несколько раз принималась расписывать перспективы. Меня очень злило и напрягало, что любимая не понимала, почему у меня нет желания переезжать.

– Боря, ты только подумай, ты сможешь работать в хорошей клинике бок о бок со своим отцом!

– Да не хочу я работать со своим ОТЦОМ! Я взрослый мальчик!

Но Рита всё равно давила на меня, не понимала. Отношения, которые казалось бы налаживались, вдруг начали рушиться из-за непонимания. Однажды вечером, когда снова зашёл разговор о Москве, я не сдержался:

– Кто ты такая, чтобы мне указывать? – чувствовал, что явно перегнул палку, но отступить не собирался.

Рита посмотрела на меня с укором, встала и демонстративно ушла в комнату Серёжи, где и осталась ночевать.

На следующее утро я рано встал, нужно было идти на дежурство. Рита всегда меня всегда провожала, сегодня же она даже из комнаты не вышла. "Ещё не остыла, – подумал я, – ладно, пусть ещё немного подует, вечером куплю цветы и

попрошу прощения. Надо уже мириться, такие отношения не нужны ни ей, ни мне, ни сыну."

Весь день на сердце было беспокойно, время тянулось долго, даже работа не могла отвлечь от наших ссор. Оставшись один в кабинете, долго думал о том, что предлагал Захаров. Только срочная операция смогла меня отвлечь на пару часов от мыслей, которые не давали покоя с момента разговора с отцом.

"Мне тоже не хватало сына..." эти слова снова и снова всплывали из подсознания. Почему же я так противился сближению с ним? Чем больше я размышлял, тем чаще думал о том, что надо дать шанс нам узнать друг друга поближе. Что бы я не говорил, желание поехать всё-таки было. И манили не только перспективы карьерного роста, хотелось простого общения с человеком, давшим мне жизнь, хотелось его лучше узнать и понять.

На удивление быстро сдал смену, заехал в цветочный магазин, купил огромный букет чайных роз, заскочил в соседний магазин игрушек, не удержался и купил сыну очередную машинку – он их обожал. Всю дорогу думал с чего начать непростой разговор, решил просто попросить прощения и объявить о своём решении сблизиться с отцом и поехать в эту чёртову Москву!

С порога понял: что-то не так...

– Рита, – тихонько позвал я, – Рита!

В квартире была мёртвая тишина и даже соседи, которые

уже вторую неделю не давали покоя из-за ремонта, молчали. Я, не разуваясь, быстро зашёл в кухню – никаких признаков Риты или Серёжи... Бросил букет на стол, машинку тут же на стуле оставил. В Серёжиной комнате вроде бы всё было по-прежнему, но что-то меня напрягало. Раскрыл шкаф и тут я всё понял: некоторых вещей сына не было. Что за хрень? Где они?

В голове родился только один ответ: у родителей! Они Риту в любом случае примут: права она или нет. За это я и уважал Ковалёвых, что бы не случилось они становились на сторону дочери. Я буквально выскочил из квартиры.

Кое-как удалось припарковаться недалеко от дома, поставил машину на сигнализацию и уже направился в подъезд, когда моё внимание привлекла парочка в автомобиле. Они целовались! Я даже улыбнулся,.. но что-то внутри шевельнулось... Это же моя Рита!

Я стремительно направился к ним, постучал нетерпеливо в лобовое стекло: они, наконец-то, оторвались друг от друга. Точно, Ритка со своим далеко не бывшим мужем. Я готов был убить их обоих! Как она могла! Я же её люблю, а она снова предала! У меня не было сил выяснять отношения, мне хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю лишь бы не видеть всего этого. Сердце разрывалось от боли.

Я развернулся и быстро пошёл к своей машине, Рита выскочила, побежала за мной:

– Бораяя! Ты неправильно всё понял!!!– истерично кри-

чала она.

– А что тут понимать? Тебе зачем нужна была Москва? Разжиться за мой счёт захотела?

– О чём ты говоришь, Боря?!

Я уже вплотную приблизился к своей машине, окинул её быстрым взглядом и предупредил:

– Тебя я отпускаю, возвращайся к нему, – я кивнул головой в сторону её мужа, который широко улыбался, словно кот, объевшийся сметаны, – но сына я тебе не отдам, я его у тебя отсужу! Так и знай!.

Рита

Боря хлопнул дверью и уехал, у меня в голове этот хлопок отозвался взрывом. Я повернулась к Сашке, который всё ещё стоял, облокотившись на открытую дверцу машины и лыбился.

– Сделал пакость и доволен?! – я кинулась на мужа с кулаками.

– Не только тебе делать мне гадости! – злорадствовал он, – хотела подsunуть мне чужого ребёнка – теперь вообще его не увидишь: мужичок-то настроен решительно.

– Проваливай! – я уже сорвалась на крик, – не хочешь похорошему развод давать, значит, будем судиться!

Я резко повернулась и побежала домой, за моей спиной раздался противный смех, меня же душили слёзы и обида.

Вчера, когда Боря сказал, что я ему никто, очень обиделась, практически всю ночь не спала и решила, что съеду от

него и сразу займусь разводом, а уж потом, когда процесс будет запущен, поговорю с любимым снова. Очень удивилась, когда Сашка сразу же согласился встретиться и поговорить. Вечером он подъехал к родительскому дому, я оставила Серёжу с мамой и спустилась.

– Садись в машину, не на улице же нам разговаривать.

Я поколебалась, но села.

– О чём хотела поговорить? Хочешь вернуться?

Я засмеялась ему в лицо:

– Какой ты самонадеянный! Нет, я к тебе никогда не вернусь. Мне нужен развод!

– А если я его не дам? – усмехнулся Сашка.

– Слушай, зачем тебе это нужно? Ты же сказал, что у тебя есть женщина – вот и живи с ней припеваючи, а я буду жить без тебя.

– Что ёбарь появился? Да тебе хоть какого, ты ж фригидная, чёёё с тебя взять, ты ж ничего не можешь в койке! – Сашка захлёбывался в своей злобе.

– А ты никогда не задумывался, что это только с тобой я такая, сам-то чёёё (передразнила его) можешь? – со смехом проговорила я.

– Шлюха, – Сашкино лицо исказилось, мне даже показалось, что он меня сейчас ударит, я перевела взгляд на улицу и увидела любимого.

– Боря, – прошептала я.

Сашка проследил за моим взглядом и тут же схвалил меня

в охапку и стал целовать, я попыталась его оттолкнуть, но он только ещё крепче прижал к себе.

Мой очень хрупкий мир снова рушился, а я летела в пропасть, сердце в очередной раз рвалось на кусочки...

20

Рита

Сашка опять всё испортил... Мой мир в очередной раз рухнул. Ну почему же я такая несчастливая? Чем я прогневала бога? Эти вопросы опять всплыли в моей голове. Проревела весь вечер и ночь, родители забрали Серёжу к себе, я им была за это благодарна, сил не было ни на что. Отец и мама несколько раз пытались со мной поговорить, не понимали, что произошло.

Под утро не вытерпела, оделась и поехала к Боре, мне нужно было с ним во что бы то ни стало поговорить. Не стала открывать своим ключом дверь, позвонила, не сразу, но всё же он открыл.

От Бориса сильно пахло спиртным.

– Зачем пришла?

– Надо поговорить.

– О чём? Я всё видел!

– Ты неправильно понял.

– Что тут можно неправильно понять? Два человека целуются, значит, у них всё хорошо!

– Да нехорошо у нас ничего! Боря, я тебя люблю!

– И поэтому ты ушла от меня?! – он был взбешён, – сейчас

зачем пришла? Что тебе надо?

Борис схватил меня за руку и потащил в гостиную.

– Отпусти меня! Мне больно!

– Насрать! Мне тоже больно и тебе на это насрать! – я никогда не видела его в таком состоянии, даже напугалась.

Борис швырнул меня на диван и начал срывать одежду. Кофточка, брюки, бельё... Меня парализовало, я не могла сопротивляться. Впервые не было нежности, только грубые нетерпеливые прикосновения. Я попыталась его оттолкнуть, но сильнее разозлила.

Боря впился в мою шею, как вампир, руками прошёл по всему телу. Как ни странно, оно предательски начало отвечать, я почувствовала, что внизу зарождается тепло. Борис злился и не скрывал своей злобы. Он прикусывал кожу на шее, груди, животе, оставляя свои отметины, ставя клеймо. Но меня не надо было клеймить, я давно и безоговорочно принадлежала ему.

Мужчина резко поднял меня с дивана, повернул спиной к себе, наклонил и резко вошёл, даже не удостоверившись, что я готова. Это было так не похоже на моего любимого.

– Течёшь, как сучка!.. С ним также быстро готовишься?

– Боря! – мне было обидно от его слов, от недоверия.

– Скажи, что хочешь только меня! – потребовал он.

Я понимала, что он пьян, что он не в себе, но моё предательское тело так хотело его, что готова была сказать что угодно, лишь бы он уже начал двигаться.

– Хочу тебя... люблю тебя!

Это простимулировало Бориса к дальнейшим действиям. Он грубо схватил мою грудь и начал быстро двигаться, я не ожидала, что этот натиск во мне так безумно отзовется. Сейчас мне не нужна была нежность.

Получилась бешеная скачка, я кричала в голос, Боря мне вторил. Оргазм свалился на нас практически одновременно. Мы рухнули на диван, с минуту Борис лежал на мне, приходя в себя, потом резко встал и закричал:

– Проваливай! Мне не нужна шлюха, которая на дню меняет несколько мужиков.

Я уставилась на него, не веря, что такое может сказать мой Боря, мой любимый Боря. Быстро собрала вещи с пола, в прихожке натянула на себя. Бросила ключи на тумбочку и захлопнула дверь. Слезы ручьём лились из глаз, я выскочила из подъезда, ноги подгибались, упёрлась лбом в стену и заплакала в голос.

– Детка, что случилось? – сердобольная соседка спешила ко мне вместе со своей собачкой, которую, видимо, и выгуливала в столь ранний час.

– Всё хорошо... – выдавила я и побрела шатающейся походкой подальше от своего счастья.

Теперь я уже не была уверена, что когда-нибудь вообще смогу обрести его... Жить не хотелось, но у меня есть Серёжа, которому я очень нужна. Всё! На личных отношениях, на мужиках я решила поставить крест. Отныне в моей жизни

главный мужчина, которого я никогда не предаю, мой сын, немного погодя, я пришла к выводу, что папу тоже не предаю!

Борис

Вот же дерьмо! Развесил уши, размечтался: наконец-то, всё должно наладиться, родим ещё детей и будем жить поживать да добра наживать. Да, видимо, так бывает только в сказках да плохих мелодрамах. Если уж ты родился гадким утёнком, никому не нужным, так и проживёшь этим самым одиноким гадким утёнком до конца своей никчёмной жизни.

С трудом открыл глаза, во рту, как будто стадо джейранов пробежало, всё вытоптало да ещё и нагадить не забыло при этом.. Сон дерьмовый приснился, будто Рита пришла ко мне, говорила, что любит, а я грубо взял её, а потом выгнал. Вот это я нажрался вчера, что такое приснилось. Если бы она пришла, никогда бы не выгнал, ещё бы упрашивать стал, чтоб осталась.

Когда всё-таки сел на диване, на котором спал, опешил... Голый... Совершенно голый... Что за фигня? Огляделся, на полу вещи валяются, опустил глаза вниз и застонал. На внутренней стороне бедра увидел явное свидетельство того, что ночью я был не один. Неужели не приснилось? Среди моих вещей валялся бюстгалтер Риты, точно знаю, что её (приходилось снимать).

– О, боже! – простонал я, – я не мог её выгнать...

После холодного душа, немного придя в себя, набрал номер Риты, хотя даже не представлял, о чём с ней говорить. Металлический голос в трубке сообщил, что абонент не абонент.

– Вот же чёрт!

Ну а что ты хотел, Бориска? Если всё тебе не приснилось, а было правдой, то обидел ты её знатно. Самому противно стало. Она же не просто приходила, что-то хотела... Может, правда что-то там, около её дома мне почудилось, может, этот придурок её силой к себе притянул и поцеловал. Почему ревность не дала мне выслушать её? Надо срочно поехать к ней.

В квартиру меня никто не впустил, но Сергей Ильич вышел ко мне на площадку.

– Слушай, Борис, я не имею ничего против тебя... Не знаю, что у вас произошло, но сейчас не лучшее время с ней встречаться: она не хочет никого видеть и прежде всего тебя. Дай ей время, через недельку поговорите. Всё во мне протестует, я хочу увидеть Риту сейчас и выяснить всё немедленно. Но, может, и правда надо остыть. Не хотя, но соглашайся уйти. Так и будем, как те журавль и цапля ходить друг к другу...

– Передайте, что... Впрочем, ничего не передавайте... Как Серёжа?

– С ним всё хорошо, он с Машей.

– Я через неделю приеду.

Сергей Ильич кивнул, а я отправился восвояси.

Рита

Отец заглянул ко мне, я лежа на кровати лицом к двери.

– Это Боря?

– Да, может, всё-таки стоило поговорить с ним? Он плохо выглядит. Похоже, всю ночь пил.

– Нет, папа, я сейчас не хочу его видеть.

– Дочка, – отец присел рядом со мной и, как в детстве, погладил по голове, – я всегда буду на твоей стороне, чтобы ты не решила, поддержу, но... Ты его любишь?

– Да, – плача, – говорю я.

– Может, надо было поговорить?

– Пока не могу... Папочка, мне нужен развод и срочно...

Отец немного подумал:

– Брат дяди Вани Тузова адвокат, я поговорю с ним, как быстрее и проще оформить его.

– Папочка, надо, чтобы Сашка отказался от отцовства.

Отец, понимая, кивнул мне, чмокнул в макушку и пошёл решать мои проблемы.

Борис

Надо что-то менять! Если Рита хочет в Москву, так и быть – поедем в Москву, подальше от этого муженька. Как только помиримся, а я в этом уверен, не дам я своему сыну расти в дали от меня, заставлю её оформить всё документально.

Так, где-то была визитка Захарова.

– Да где ж она? – помню же, что куда-то в стол кидал.

Перебрал всё содержимое верхнего ящика письменного стола. Комбо! Вот она! Теперь бы ещё решиться. Ладно, была – не была! Гудок мучительно долго звучит в трубке (или мне так просто кажется). Наконец-то!

– Алло, – раздаётся голос Захарова.

– Александр Владимирович, здравствуйте, это Борис, – сердце стучит, как у марафонца.

– Здравствуй, Боря! – удивлённо говорит голос отца (про себя всё чаще называю его отцом).

– Как ваше здоровье?

– Пойдёт. У вас всё хорошо? Как Серёжа?

– Скажите, ваше предложение ещё в силе? – начинаю сразу без прелюдий.

– Боря, ты в любой момент можешь приехать, я тебя жду!

– Спасибо, решу вопрос со своей больницей и приеду.

21

Борис

Заведущий долго бубнел, но в конце концов подписал заявление об уходе, правда, заставил отработать две смены – хорошо не две недели. Хотя мог.

Сердце рвалось к Рите, хотелось, наконец, узнать, зачем она приходила, помутнение, застигнувшее меня внезапно, вдруг отошло на задний план. Понимал, что вспылил, а потом ещё больше обидел. Возможно, Сергей Ильич прав: пусть пройдёт время, Рита успокоится, потом решим, как жить дальше. Единственное, что понимал, без неё совсем за-

гнусь. Раньше от всех бед спасала работа, в этот раз сорвался, напился и натворил дел. Нет, это был первый и последний подобный шаг.

Вещи кинул всё в той же гостинице, где ночевали с Ритой недалеко от клиники. С Захаровым созвонился заранее, поэтому, когда пришёл, он меня уже ждал.

– Здравствуй, Боря, – встал он мне навстречу.

– Здравствуйте.

– Я рад, что ты решился... Рита с тобой?

– Нет, она осталась дома.

Захаров пристально на меня посмотрел, видимо, понял, что не всё гладко в "королевстве Датском".

– Жаль, хотелось Серёжу увидеть.

– Увидите, – заверил я его.

Александр Владимирович ввел меня в курс дела, познакомил с персоналом, решили, что уже завтра выйду на работу.

– Ну что, поедem домой?

Я замялся, не хотелось обижать, но всё-таки сообщил:

– Я снял номер в гостинице.

В глазах Захарова сразу потух огонёк, который я заметил, когда он с гордостью рассказывал о своём детище.

– Соня расстроится, – как-то жалобно произнёс мужчина.

И мне вдруг стало его очень жалко, как маленького ребёнка, которого ненароком обидел.

– Хорошо, я заберу свои вещи и поедem к вам, но как только найду подходящую квартиру – сразу съеду.

– Договорились, – улыбнулся Захаров, протянул мне руку, а потом неожиданно обнял, – и я готов был поспорить, глаза этого взрослого дядьки были на мокром месте.

Клиника специализировалась в нескольких направлениях, но мне стало интересно именно кардиологическое, я окупился в работу с головой, понимал, что нужно ещё очень многому научиться, чтобы мне доверяли серьёзные случаи.

Захаров, услышав моё пожелание, тут же снабдил всевозможной литературой, консультировал по разным вопросам, даже один раз мне разрешили ассистировать на сложной операции на открытом сердце.

У Захаровых я чувствовал себя уютно и, пожалуй, впервые в жизни ощутил отцовскую любовь и заботу. Единственное, что меня угнетало, это то, что Рита не отвечала на мои звонки, телефон всё время был вне зоны доступа. Моё пребывание в Москве уже затянулось, я собирался через неделю вернуться к ней, чтобы помириться, а сам почти месяц жил в Москве. Пора уже было возвращать семью.

Рита

Папа попросил Бориса дать мне время. Он, видимо, решил, что не стоит вообще возобновлять наши отношения. Ещё, как на зло, когда уходила из его квартиры, где-то потеряла телефон, папа купил новый, но я всё никак не могла сходить восстановить симку. Зато всё-таки решила сходить к Боре, понимала, что веду себя, как мазахистка: меня вышвырнули, обозвали, а я собираюсь просить, чтобы он при-

нял меня и выслушал. Получается, совсем не хозяйка своему слову: ведь обещала же, что не вернусь к нему...

Дома Бориса не оказалось, ну, впрочем, ничего удивительного, наверное, в больнице, решила я. Туда я постеснялась идти, дождалась, когда останемся с Серёжей дома вдвоём и позвонила с городского телефона. Меня как обухом по голове ударили слова медсестры: "Борис Борисович у нас больше не работает, он вообще уехал из города".

Вот так просто взял и уехал! Может, он и приходил сказать об этом, да я не стала разговаривать. Ну что ж, уехал, так уехал, буду жить дальше, растить ребёнка.

Лето быстро пройдёт, надо будет возвращаться на учёбу, не знаю, справлюсь ли я. Сына надолго не могу оставлять, нужно узнать как раздобыть разрешение на свободное посещение: я слышала, что так можно. Да, это выход из создавшегося положения, ну не бросать же маме работу из-за нас.

Папа тоже принёс хорошие новости: он нанял адвоката Тузова, который обещал решить вопрос с разводом.

Да вот только Сашка устроил очередной скандал, заявился к нам, когда родителей не было дома, чтобы не напугать Серёжу стуками в дверь и не развлекать и так чересчур любопытных соседей,пустила его в квартиру:

– Ни одной бумаги добровольно не подпишу, пусть адвокатишка выкачает из вас кучу денег. Будешь знать с кем связалась!

– Саш, ты ж неплохой парень, зачем ты так со мной?

– А ты? – Сашка вдруг сбавил обороты, – Ритка, я ж тебя любил, а ты с этим стариканом связалась...

– Какой же он старикан, ему всего тридцать...

– Ну да, перспективный, с хорошей зарплатой, не то что я студент! – с издёвкой ответил он.

– Ты уже не студент, не забыл? Дипломчик-то я тебе написала?

– Поприкать будешь? А я твоего убудка кормил!

– Ой ли!.. Если я такая плохая, зачем ты ходишь ко мне, чего ты хочешь? Дай мне развод и всё: живи, как хочешь!

– Ритка, может, вернёшься, – вдруг как-то грустно и тихо попросил Сашка.

– Нет, не вернусь, это бессмысленно. Ты меня не любишь, я тебя.

– Зараза! – зло прошипел муж.

Развернулся и ушёл. Потом адвокат сообщил, что он всё-таки подписал документы на развод, главная загвоздка была в том, что Серёжа по документам являлся ему сыном, надо было решить и этот вопрос. От алиментов я, конечно же, отказалась, но Сашка, видимо, из вредности не хотел отказываться от сына. Адвокат, которого я посвятила во все тонкости нашего "замечательного" брака, советовал связаться с Борисом и, если он хочет признать ребёнка, сделать тест на отцовство. Это избавит нас от многих судебных проволочек.

Легко сказать свяжись, где ж его найти?

Наконец-то восстановила симку. Плохо, что половина но-

меров пропала, видимо, я не заморочилась и часть из них сохранила на телефоне. Ругала себя на чём свет стоит. Ну как можно быть такой идиоткой? С цифрами у меня всегда была проблема, поэтому из номера Бори, помнила только две последние цифры. Как так-то!

Ещё большей душой себя почувствовала, когда вдруг вспомнила, что его номер есть у моего отца!

Дрожащими руками набрала номер Бориса... Не доступен... Крах надеждам...

Неужели он нас совсем бросил? Он же так на меня обижался, что я не рассказала ему о Серёже. На душе было так плохо, что хотелось выть, только в одном месте я могла немного успокоиться. В парке, около фонтана, на "нашем месте"...

Серёжа делал свои первые шаги. "Боречка, ты опять всё пропустил! Но теперь тебе надо себя винить". Улыбаясь сквозь слёзы, наблюдаю за сыном, который топает вдоль скамейки, нашей с Борей скамейки. Вдруг слышу знакомый голос:

– Ритка, ну куда ты пропала! – ко мне с визгом несётся Наташка, моя чумовая подруга, которая, как вихрь всё на своём пути сносит.

Моё лицо само растянулось в улыбке, когда этот ураган схвал меня и закружил, откуда только силы в этой хрупкой девчонке?

– Отпусти, сумасшедшая... – смеюсь, – Серёжа... – сы-

нок плюхнулся на попу и во все глаза смотрит на маму и тётю, которая её схватила.

Я подняла его на ножки, Наташка присела на корточки к малышу и заговорила с ним, Серёжа засмутился, уткнулся мне в ноги. Настроение вместе с вихрем по имени Наташка вернулось ко мне:

– Давай рассказывай!

Я тяжело вздохнула и начала свой невесёлый рассказ. Наташка вначале помрачнела, а потом резко подскочила с лавки:

– Всё! Не фиг киснуть! Насрать на мужиков, я тоже со своим Павликом рассталась.

– Как с Павликом? Кирилл же был?

– Оооо, подруга, как же давно мы не виделись, – засмеялась Наташка. – Есть с кем малого оставить?

– Думаю, мама согласится.

– Всё, идём к тётё Маше отпрашиваться! Срочно надо расслабиться! Ты в клубе-то последний раз когда была?

– Не помню, – пожала плечами.

– Всё с тобой ясно!

Мама, конечно же, согласилась побыть с Серёжей. Мы вначале отправились к Наташке, в её съёмную небольшую студию:

– Достали родаки, ни мужика не приведи, ни потусуйся – вот и сбежала их родимого дома, – жаловалась Наташка, – правда, приходится подрабатывать, денег, что отец выдаёт,

катастрофически не хватает.

Мы навели марафет, по словам Наташки, очень даже крутой, перемерили весь её гардероб, так как мои платья показались подруге скучными, явно не для клубешника. Я так вошла во вкус, давно мне не было весело, тем более мы с Наташкой уже опрокинули в себя полбутылки шампанского: Наташке хоть бы что, а я чувствую, что уже навеселе. Оттого, наверное, и согласилась надеть короткое платье с неприличным декольте.

В клубе играла громкая музыка, кругом было много народа, практически все под воздействием алкоголя, который лился рекой около барной стойки. Мы заказали по коктейлю, присели за один из столиков, Наташка шутила, рассказывала какие-то весёлые истории.

Я вылетела из реальности, так давно не расслаблялась. Вынужденный брак, болезнь Серёжи – всё это не располагало к развлечениям.

Вскоре к нам подошли двое парней, разговаривать было невозможно, громкая музыка раздавалась буквально где-то над нами. Один из парней, Максим, подсел ко мне, что-то пытался рассказывать, когда понял, что музыка не даст поговорить, потащил меня танцевать, Наташка со своим кавалером тоже вышли на танцпол.

Я соскучилась по всеобщему веселью, устала от своих мыслей, и поэтому с лёгкостью погрузилась в атмосферу всеобщего драйва, даже вошла во вкус. Макс схватил меня за

руки, мы начали двигаться вдвоём, со стороны, я это не осознавала до определённого момента, наш танец, наверное, казался страстным. Макс даже потянулся ко мне губами, хотел поцеловать, но я повернула лицо в сторону и его поцелуй пришёлся не в губы, а в щёку. Я улыбнулась, но в этот момент мои глаза встретились с парой зелёных негодующих...

– Боря... – одними губами прошептала я.

А он уже уходил прочь... Я оттолкнула Максима и побежала за любимым, но потеряла его в толпе неадекватной молодёжи. Когда выбежала на улицу, машина Бориса уже отъезжала, я кинулась за ней, но он не остановился, уехал...

Расслабилась... Отдохнула... В очередной раз уничтожила себя...

Борис

Наконец-то вырвался к своим. Времени ни так уж и много – всего двое суток, практически, туда и обратно, а ведь ещё надо решить вопрос с Ритой, надеюсь, она немного успокоилась и готова к конструктивному разговору. Понятно же, что врозь нам плохо да и Серёже лучше будет, если мы помиримся. Соскучился по ним ужасно, до трясушки.

Дверь мне открыла Мария Олеговна, если и удивилась, то не подала виду, пригласила в квартиру. Вдруг из комнаты на своих ножках, немного шатаясь, вышел Серёжа, у меня от умиления даже слёзы выступили, ну не глупость ли: тридцатилетний мужик, а веду себя как баба. Присел на корточки перед сыном, поманил его, боялся, что не пойдёт, забыл, но

Серёжа протянул руки и, чуть не падая, быстро пошёл в мою сторону.

Схватил ребёнка на руки, зарылся носом ему в шею, вдохнул столь родной и приятный запах. Расцеловал сына в щёки и только потом посмотрел на Марию Олеговну:

– А где Рита?

– С Наташей ушла, – пожала плечами женщина.

– Скоро вернётся?

– Не знаю... Да ты проходи, подожди её.

Вскоре пришёл Сергей Ильич, мы поужинали, никак не мог отпустить Серёжу, соскучился. Мария Олеговна сказала, что ребёнку пора спать, хотела его забрать у меня, но сын начал капризничать. Я решил сам его уложить. Серёжа, на удивление, быстро уснул, а Риты всё не было...

Сергей Ильич сказал адрес Наташи, и я решил поехать туда. Оказалось, что она с родителями уже не живёт, её отец дал новый адрес, но предупредил, что дочка часто бывает в клубе, недалеко от её дома.

Я уже начал нервничать, наматываю несколько часов круги по городу, а Риту никак не могу найти... Действительно, недалеко от Наташкиной квартиру, буквально через пару домов я увидел неоновую вывеску. Прошёл во внутрь, огляделся: очень шумно, музыка громко играет, молодёжь пытается её перекричать.

Отошёл в сторону, решил осмотреться, может, и правда девчонки здесь. Среди танцующих пьяных тел заметил мою

Риту: неприлично короткое платье позволяло рассмотреть её стройные ноги, декольте тоже открывало неприлично много плоти, но самое страшное, эту плоть, которая принадлежала мне, лапал какой-то парень...

Боже, Ритка, что ты творишь? Стоило мне уехать ненадолго, как ты пошла вразнос. Такая злость меня охватила! Как она могла! Опять предала! Я устал уже прощать, чувствовал себя рогоносцем. Да что ж это такое, почему?

На какое-то мгновение наши взгляды встретились, Рита замерла в объятиях парня, я больше не мог выносить боли, которая сдавила моё сердце. Ревность душила, я развернулся и решительно вышел из клуба. Сел за руль и рванул с места.

В зеркало увидел, что Рита выскочила за мной, но я не мог на неё спокойно смотреть, не то что разговаривать...

Летел в Москву на огромной скорости, не замечая камер, несколько раз мне сигналили водители, которых я подрезал. Злость душила меня, хотелось кричать от бессилия.

Дождь начал накрапывать, когда я только покидал пределы своего родного города, а ближе к Москве вообще усилился, дворники не справлялись с потоком. В какой-то момент машину занесло, я не мог уже справиться с управлением, пытаясь уйти от столкновения, выкрутил руль в сторону обочины, но по несчастливому стечению обстоятельств перед машиной, как из-под земли, вырос дорожный столб, который и принял мой автомобиль в свои объятия. Искры из глаз и ужасная головная боль – всё, что я запомнил прежде чем от-

ключился...

Соня не находила себе места, Саша сказал, что Боря уезжает всего на два дня, уже третий пошёл, но племянник так и не объявился, причём, Соня видела, что брат тоже нервничает. Не мог же Боря, не предупредив никого, не явиться на работу?

Так, поехал к Рите, значит, надо звонить ей! После третьего гудка Рита сняла трубку:

– Слушаю вас.

– Риточка, здравствуй, детка.

– Софья Владимировна! – узнала Рита тётю Бориса, – как хорошо, что вы сами позвонили, я потеряла номер вашего телефона...

– Рита, где Боря?

– Не знаю... – подавлено произнесла девушка.

– Как не знаешь? Он же поехал к вам, вчера вечером должен был вернуться, но его до сих пор нет.

– Сонечка, так он к вам переехал?

– Рита, ты это серьёзно? Ты даже не знаешь, что он месяц уже работает в Сашиной клинике?

Рита всхлипнула:

– Мы поссорились, и я думала, что расстались насовсем, но он приехал... – всхлип повторился, – и даже не дал возможности всё объяснить... – девушка уже рыдала.

– Всё, хватит реветь, – жестко начала Соня (такой Рита

ещё не знала Борину тётю), – вы любите друг друга, это поймёт каждый, кто увидит вас вместе, поэтому что бы у вас там не случилось, рано или поздно помиритесь! Сейчас меня интересует другое: где Боря?

– Может Екатерина Борисовна знает?

– Я очень в этом сомневаюсь, но надо проверить все варианты.

– Риточка, ты можешь этим заняться?

– Конечно, Софья Владимировна, ещё можно у Кости, его друга спросить.

– Рита, а ты опять стала меня называть по имени отчеству?

– Я просто очень волнуюсь, Сонечка...

– Всё будет хорошо, девочка! Риточка, ты, пожалуйста, держи меня в курсе всех новостей, даже об отсутствии их тоже сообщай.

– Хорошо, вы мне тоже звоните.

На том и порешили. Рита положила трубку, смахнула со щеки слезу и направилась к сыну.

Рита

– Ну что, сынок, идём искать папу?

Серёжу не с кем было оставить, поэтому я собрала его и первым делом отправилась на квартиру к Боре, чтобы знать наверняка там он или нет. Как я и ожидала дверь мне никто не открыл, ключей у меня уже не было, поэтому возможности проверить заезжал Боря домой или нет у меня тоже не было.

Но мне повезло: в подъезде я встретила ту самую соседку, которая частенько навевалась к Боре смерить давление, но на самом деле мы понимали, одинокой старушке просто хотелось с кем-нибудь поболтать.

– Здравствуйте, баба Шура.

– Здравствуй, здравствуй! Что-то, девонька, давно вас не видно? А где Боря?

– А вы его не видели? Вчера он не заезжал домой?

– Нет, никого не видела. Вот как месяц назад ключи оставил и просил за квартирой присмотреть, больше я его и не видела. У вас что-то случилось? – озабочено спросила старушка.

– Нет, всё хорошо. До свидания!

Я не дала бабушке продолжить допрос, очень уж торопилась.

Костя не смог со мной поговорить, так как был на операции, уже хорошо, что он в больнице, так как где ещё его искать, я тоже не знала.

Боже мой! Я ничего не знаю о людях, с которыми дружит Борис, о его близких. Получается, что он мне настолько не доверяет, что не готов близко подпускать к себе.

Времени ждать, пока освободится Костя, не было, поэтому попросила медсестру, чтобы он срочно мне позвонил, как освободится, при этом несколько раз упомянула, что дело касается Бориса, оставила номер телефона и поехала в больницу к Екатерине Борисовне.

Я никогда не видела мать Бори, только однажды на фотографии в дедовом альбоме, который внук бережно хранил. На одной из фотографий стояла молодая красивая девушка с мальчиком на руках, который был очень похож на моего Серёжу. На остальных фотографиях Екатерина Борисовна была либо маленькой девочкой, либо подростком. Взрослой Кати в альбоме не было, зато было много фотографий Боречки.

Пока ехали на такси в больницу к Екатерине Борисовне, Серёжа уснул. Хорошо, что взяла лёгкую летнюю коляску, иначе не справилась бы, сынок стал уже тяжёлый.

В холле больницы, я остановилась, если честно, было страшно увидеть женщину, которая отказалась от собственного ребёнка, не знала, как она поведёт себя со мной и, вообще, захочет ли она поговорить.

Девушку на ресепшен долго упрашивать не пришлось, она практически сразу позвонила в отделение и попросила спуститься Екатерину Борисовну:

– Её здесь ожидает Маргарита Ковалёва по личному вопросу, – и зачем-то добавила, – Маргарита пришла с маленьким ребёнком.

Девушка за стойкой положила трубку и, повернувшись ко мне, сказала:

– Сейчас Екатерине Борисовне передадут, что вы её ждёте.

Пока ожидала встречи с несостоявшейся свекровью, по-

звонил Костя, очень удивился, когда узнал, по какому поводу ему звоню, и пообещал что-нибудь узнать. Выяснилось, что он даже не был в курсе, что Боря приезжал из Москвы.

Двадцать минут, которые я ждала мать Бори в холле, показались вечностью.

Наконец-то дама спустилась, я её сразу узнала, она, конечно же, повзрослела, но привлекательности не потеряла, по-прежнему стройна и красива, как на фото.

Я направилась к ней навстречу, забыв о сыне, но Серёже надо было проснуться в самый не подходящий момент. Он привстал в коляске и чуть не выпал, при этом испугался и заплакал. Я повернулась к ребёнку, взяла его на руки. Он сразу же успокоился, положил свою тёмную головку мне на плечо и устался на тётю, что стояла рядом.

– Это мой внук? – без всяких предисловий начала Екатерина Борисовна.

– Да, – ответила я, поглаживая Серёжу по спинке.

– Очень похож на Борю, – что-то едва уловимое промелькнуло в глазах женщины. Мне показалось – тоска. А может, просто показалось. Да это сейчас было и не важно.

– Давайте выйдем на улицу, – предложила Екатерина Борисовна и бросила выразительный взгляд на девушку за стойкой, которая с любопытством посматривала на нас.

Я кивнула. Екатерина Борисовна сняла халат, передала администратору. Мы направилась на выход, Борина мать помогла мне выкатить коляску на улицу, так как Серёжа кате-

горически отказался садиться в неё.

На территории больницы находился небольшой сквер, в его направлении мы и пошли. Там было безлюдно, Екатерина Борисовна предложила присесть на ближайшую скамью.

– Как вас зовут?

– Рита.

– Итак, Рита, что вас ко мне привело?

Я замялась:

– Сейчас понимаю, что это было ошибкой... – я попыталась встать, но Екатерина Борисовна, взяла меня за руку и потянула обратно.

– Всё же, если вы пришли, скажите.

– Боря пропал, его нигде нет, – срывающимся голосом произнесла я.

– Рита, вы, возможно, не в курсе, но я последний человек, к которому бы Боря обратился за чем-нибудь, – я кивнула.

Женщина внимательно посмотрела на меня и побледнела:

– Если вы это знали и всё равно пришли, значит, всё очень серьезно...

Мои глаза наполнились слезами, неожиданно эта чопорная дама, как мне показалось вначале, обняла меня за плечи.

– Мы поссорились, он уехал, и никто не знает, где он.

– Вы любите его?

У меня хватил сил только кивнуть.

– Рита, любите его! Он обязательно найдётся, но ему просто необходима ваша любовь.

Екатерина Борисовна немного помолчала, а потом добавила:

– Я очень виновата перед ним...

Она просто встала и ушла, а я не знала, что мне делать....

Борис

Сознание медленно ко мне возвращалось... Безумная боль разрывала голову, нога тоже очень болела.

– Пришёл в себя. Вот и хорошо, – рядом раздался незнакомый голос.

С трудом повернул голову, рядом стояла женщина средних лет в белом халате.

– Где я? – хриплым слабым голосом спросил я.

– Вы пока отдыхайте, сейчас придёт доктор и всё вам расскажет.

Память постепенно начала возвращаться ко мне: Рита с каким-то парнем обнимается, дорога, дождь, визг тормозов, всё кругом закрутилось, завертелось, удар и пустота... Лечу куда-то, длинный-длинный коридор и звон в ушах...

– Ну что? Пришёл в себя? Пришлось с тобой повозиться, дружок. Как зовут-то тебя, помнишь? – в палату вошёл доктор примерно моего возраста, может, на пару лет постарше будет, не больше.

– Борис, – охрипшим голосом произнёс я.

– Куда ж ты так спешил, Борис? Полицейский сказал: превысил скорость на мокрой дороге.

Да, так и было. Вот дурак неуравновешенный! Чуть Серёжу сиротой не оставил. Какое теперь имеет значение, как ведёт себя Рита, что она чувствует, если есть этот замечательный малыш, который уже меня любит и нуждается во мне.

– Мне надо позвонить.

– А телефона вашего у нас нет, – вмешалась в разговор медсестра, проверявшая капельницу, – помните наизусть, тогда позвоню.

Я покачал головой.

– Найдите, пожалуйста, номер клиники "Софья", сообщите Захарову Александру Владимировичу, что я у вас.

– Хорошо, сейчас попробую найти, – сказала медсестра и вышла из палаты.

– Вы работаете в этой клинике?

– Да, мы коллеги, я тоже хирург.

– Во как! Ну что, коллега, каково это оказаться по другую сторону от профессии? – улыбаясь, спросил доктор.

– Хреново...

– Ладно, отдыхай, позже поговорим.

– Что у меня с головой?

– Ушиб головного мозга, пришлось гематому удалять...

Оскольчатый перелом правой ноги, – кивнул на ногу док.

– Ну и как?

– Жить будешь, похромаешь, правда, какое-то время...

– Сколько я у вас?

– Двое суток.

– Ого! Наверное, потеряли...

23

– Добрый день. Администратор клиники «Софья» – Наталья. Слушаю вас.

– Добрый день, вас беспокоят по просьбе Бояринова Бориса Борисовича, знаете такого?

– Да, это наш доктор. Где он? Почему сам не позвонил?

– Его два дня назад доставили в нашу больницу, он попал в ДТП, был прооперирован, а сейчас пришёл в себя и просит Захарова Александра Владимировича приехать. Вы можете передать?

– Да, конечно! Говорите адрес...

– Здравствуйте, я Захаров, мне звонили из вашей больницы по поводу Бояринова, – говорил запыхавшийся мужчина. Доктор как раз вышел из какой-то палаты.

– Денис Николаевич! – окликнула постовая медсестра. Тот повернулся, увидел мужчину, широко улыбнулся и направился к Захарову.

– Здравствуйте, Александр Владимирович! Не узнаете? – поздоровался доктор, улыбаясь.

Мужчина внимательно посмотрел:

– Денис? – узнал собеседника.

– Всё верно, профессор, Денис Савельев, ваш нерадивый студент.

– Не наговаривай на себя, – произнёс Захаров, протягивая руку своему ученику, – что с Борисом?

Денис вкратце ввёл профессора в курс дела.

– Ты оперировал?

– Я.

– Спасибо! – Захаров снова пожал руку Савельеву, – пустишь к нему?

– Вам разве можно отказать? – улыбнулся Денис.

Савельев лично проводил своего профессора до нужной палаты.

Захаров зашёл в небольшую комнату и побледнел, когда увидел, что голова Бориса перевязана, под глазами синяки, нога на вытяжке.

– Сынок, – выдохнул Захаров.

Борис увидел, что Александр Владимирович изменился в лице, вспомнил про недавний приступ.

– Док, сердечное, срочно! – подскочил Борис, но тут же скорчился от головной боли, – пап, присядь, не волнуйся со мной уже всё нормально, – Борис сам не заметил, что впервые назвал Захарова отцом вслух.

Денис тут же подскочил к мужчине, помог присесть:

– Валентина Ивановна! – крикнул доктор, – но Александр Владимирович похлопал его по руке успокаивающе, вытащил из кармана таблетку и положил под язык.

– Напугал? – поинтересовался Борис.

Александр Владимирович ближе пододвинул стул, взял

руку Бориса, приложил к своей щеке, а потом, немного за-
смущавшись своих чувств, опустил на кровать, но свою руку
всё равно так и оставил поверх сыновой.

– Александр Владимирович, может, укольчик? – поинте-
ресовался доктор.

– Нет, Денис, спасибо! Мне уже лучше, вот я сейчас по-
сажу немного с сыном, а ты иди, работай.

Денис Николаевич ещё раз посмотрел на картину, что
предстала перед ним, и вышел из палаты. Когда он учился,
говорили о том, что у профессора кроме сестры никого нет.
Поэтому и удивился, странностей на самом деле много: фа-
милии разные, отчество у Бориса тоже другое.

– Соня, наверное, тоже переживает?

– Все переживают: и Соня, и Рита...

– Что у вас опять произошло?

Борис только поморщился.

– Вы уж давайте как-нибудь миритесь, а то неизвестно,
чем всё это может закончиться.

Я поморщился.

– Боря, прости меня, – тихо сказал Александр Владимиро-
вич. Мужчина зажмурился, пытаясь сдержать слёзы, – сен-
тиментальный стал, улыбнулся он, понял, что Борис всё-та-
ки их заметил, – я, можно сказать, всю жизнь ждал, чтобы
хоть кто назвал меня отцом...

– Я ни кто-то, я твой сын! – Борис немного привстал и об-
нял отца.

Два взрослых мужчины сдерживали слёзы, а объятия их были очень крепки.

– Теперь у меня есть смысл жить дальше! – бодро проговорил отец, отпуская Бориса, – ты подарил мне жизнь.

– Это не я, это Серёжа! Если б не он, неизвестно, узнал бы я о тебе или нет...

– Да, Серёжа... Сынок, ты уж реши что-нибудь. Ты же себе не простишь потом, если он будет расти вдали от тебя... Я-то знаю...

Борис только кивнул.

Рита

Как хорошо, что дома была мама, сил не было даже заниматься ребёнком. Вдруг потемнело в глазах, чуть не потеряла сознание.

– Рита, ты когда в последний раз ела?

– Не помню.

Мать прочитала целую лекцию о здоровье, которое мне ещё пригодится, чтобы воспитывать сына. Чтобы Мария Олеговна немного успокоилась, прошла на кухню, нашла в холодильнике борщ, разогрела, съела пару ложек и почувствовала дурноту, кинулась в туалет, где меня вывернуло наизнанку.

Придя в себя, посмотрела в зеркало, и догадка озарила меня. «Боже! Вот это сюрприз!»

– Мама, я сейчас вернусь! – крикнула с порога и буквально побежала в ближайшую аптеку.

Мою догадку подтвердил тест на беременность.

«Боречка, ну как же так? У нас будет второй ребёнок, а мы так и не нашли общий язык. Где же ты, мой любимый?»

От раздумий меня отвлёл телефонный звонок.

– Сонечка, здравствуйте. Есть новости? Мне ничего не удалось выяснить.

– Да, дорогая, новости есть, правда, не очень хорошие.

– Не пугайте меня, – голос мой сорвался, – он жив?

– Он попал в аварию, сейчас в больнице. Рита, ты приедешь к нему?

– Конечно, уже выезжаю!

– Мама! Собери, пожалуйста, Серёжу, – всхлипывая, попросила мать, – мы едем в Москву.

– Что случилось?

– Боря в больнице.

– Поезжай, я за Серёжей присмотрю.

Как долго едем! Чёртовы пробки!

Обыкновенная больница, где-то далеко от центра. Молоденькая медсестра как-то странно на меня посмотрела, но проводила к больному Бояринову.

Я очень волновалась, не знала, как отнесётся Борис к моему появлению. Картина, которую увидела в палате, вызвала у меня приступ дурноты.

– Боря, – тихонько позвала я. Он спал, подошла ближе, слёзы контролировать уже могла. Присела рядом, погладила

по щеке, по руке. Боря открыл глаза:

– Рита...

Я заплакала в голос.

– Не плачь, – Боря протянул ко мне руку, я в неё вцепилась мёртвой хваткой.

– Тебе больно?

– Нет не больно, меня обезболивают. Хватит, не надо плакать.

– Боречка, прости меня, пожалуйста, ты просто всё неправильно понял.

– Давай сейчас не будем об этом говорить, – я кивнула ему в ответ, – где Серёжа?

– С ним всё замечательно, он остался дома с мамой.

– Это хорошо, не надо его пугать моей рожей, – улыбнулся Борис.

– И всё-таки, Боречка, я не хочу с тобой ссориться, не хочу, чтобы не было недопонимания.

Борис кивнул головой. Я рассказала о недоразумениях, которые произошли с Сашкой и парнем из клуба (даже имя его забыла). Боря внимательно выслушал.

– Рит, ты меня тоже прости, когда дело касается тебя, я становлюсь ужасным собственником.

Его слова ложились как бальзам на душу, становилось очень спокойно.

– Главное, мы вместе, а всё остальное – переживём!

Трудно было с этим не согласиться.

Рита

Через несколько дней по просьбе Александра Владимировича Бориса выписали домой, но нога была всё ещё на вытяжке, поэтому дома установили специальную кровать. Для этого пришлось освободить одну из гостевых спален.

Родители привезли Серёжу к Захаровым и впервые в неофициальной обстановке пообщались. Отцу очень понравился Александр Владимирович и, когда уже мужчины пропустили пару бокальчиков коньяка, Сергей Ильич запросто начал Захарова называть сватом. Я, засмутившись, отдёргнула отца:

– Па, ну какой сват? Мы же не женаты.

– Риточка, а ты не считаешь, что пора уже решить этот вопрос? – поинтересовался Александр Владимирович.

– Он уже на стадии решения, скоро суд. Теперь многое зависит от Бори, – я рассказала суть решения проблемы.

– Тогда, сват, надо выпить за положительный исход дела! – улыбнулся Захаров.

– Ну, ну, Саша, не увлекайся, – вмешалась Соня, – кто недавно при смерти лежал?

– Не дождётесь, – засмеялся мужчина и выпил ещё коньячка.

Я со стороны наблюдала эту замечательную картину, и на душе становилось спокойно. Тихонечко поднялась из-за стола, оставила Серёжу с родителями и поднялась к Боре.

Боря зря времени не терял, когда оставался один, работал над кандидатской. Но стоило мне появиться на пороге, он убирал все бумаги в сторону.

– Ты где так долго пропадала?

– Я думала, ты хочешь поработать.

– Ритка, я скучал по тебе. Какая может быть работа?

Улыбаясь, направилась к больничной койке, но Борис меня остановил:

– Закрой сначала дверь на ключ.

Выполнив его просьбу, я повернулась и встретила взглядом с зелёными глазами, которые бродили по моему телу. Наконец, он остановился на моём лице и прошептал:

– Иди ко мне...

Не надо было меня дважды просить, я тоже скучала по нему, и уже простых прикосновений было мало.

Подошла Боре, наклонилась и поцеловала, он издал протяжный стон и плотнее притянул меня к себе. Его нога, которая была на весу, мешала активно действовать.

– Из-за твоей глупости страдает нога.

– Поверь мне: сейчас больше страдает другой мой орган, – Борис схватил мою руку и положил на бугор, который выпирал из-под штанов.

– О! Борис Борисович, и как же вам помочь?

– Ты тут целую неделю разыгрывала из себя заботливую медсестричку, неужели не знаешь, как они помогают своим пациентам в трудную минуту?

Я округлила глаза:

– Борис Борисович, уж не хотите ли вы сказать, что они помогают не только пациентам, но ещё и докторам?

– Только если доктора сами этого желают.

– Ну и?

– Что ну и? У меня есть одна нерадивая студентка, которая выбила из моей головы всякое желание спать с кем бы то ни было, кроме неё самой. Но при этом она сейчас тупит, – Борис потянул меня к себе, задрал футболку, спустил бюстгальтер и впился в набухший сосок, который от беременности стал очень чувствительным.

Ласки были очень настойчивыми, Боря проложил дорожку из поцелуев до пупка, втянул его, обвёл языком, вызывая ещё большее желание. Я стянула с себя брючки, сдёрнула вниз пижамные брюки Бориса вместе с бельём, они повисли на больной ноге. Вид, надо сказать был ещё тот, но нас уже ничего не могло остановить.

Я залезла сверху на мужчину, его живот был очень твёрдым, я потёрлась об него своей промежностью. Боря тут же ощутил мою влагу на животе. Он притянул меня, в очередной раз впиваясь в губы, стянул остатки одежды, погладил грудь, потянулся снова к ней, при этом приподнял меня, я же, ухватившись за твёрдый ствол, направила его в себя. Мы одновременно издали сладостный стон, но это ещё не был стон облегчения.

Началась наша бешеная скачка, я закусила губу, чтобы не

кричать, остатками сознания ещё понимала, что внизу находятся наши родственники.

Мне даже не потребовалось дополнительной стимуляции, чтобы кончить. Наши тела близко контактировали, я садилась на него до упора, так, что клитор самопроизвольно тёрся о тело Бори. Оргазм накрыл в одно мгновение, как только мои мышцы начали сокращаться, сжимая член, он тут же кончил, впиваясь в мои губы своими и оставляя следы от пальцев на бёдрах.

Я упала на твёрдую, как камень, грудь и так какое-то время мы лежали, Боря гладил мою спину, ноги, целовал в макушку.

– Как же я по тебе соскучился, – всё шептал и шептал мой мужчина, а у меня в душе расплывалось тепло от его слов и надежда, что он меня любит.

Я давно и безнадёжно любила своего ББ, но ещё ни разу об этом не сказала вслух. Не хотела, чтобы он потом чувствовал себя обязанным сказать мне тоже самое, я желала, чтобы он меня тоже любил и, если суждено было ему произнести слова любви, то они должны были идти от сердца, а не по необходимости.

Борис

Как я соскучился по любимой, по её телу. Как только увидел её грудь, сразу понял, что она изменилась, потяжелела, налилась. Пусть я не гинеколог, но всё-таки знаю кое-что о женской физиологии. Уж не беременна ли моя дорогая?

– Рита, ты мне ничего не хочешь сказать? Твоё тело изменилось...

Рита медленно с меня слезла, схватила свою футболку, слегка прикрыла грудь, присела рядом и в упор посмотрела на меня:

– Похоже, что у нас будет ещё один ребёнок, – сказала она это как-то испуганно. Неужели боится моей реакции?

Я взял её за руку, потянул на себя, проговорил в самые губы:

– Это же здорово! – и снова поцеловал.

Мне показалось, что Рита с облегчением вздохнула.

Я никогда ещё не чувствовал себя таким счастливым: Рита, сын, отец, тётя, даже будущие тесть с тещей – все были рядом, было так спокойно, не об этом ли я мечтал?

– Иск об установлении отцовства удовлетворён! – объявляет судья и ударяет молотком в знак окончания процесса.

Сегодня поддержать нас на слушание собрались все наши родные и близкие, даже Наташка и Костя, друг Бори, с женой, пришли в зал суда.

Выслушав формальности, мы покинули, наконец-то, помещение. Все документы должен забрать адвокат, который очень нам помог ускорить дело.

Рита не может сдержать слёз. Немного ещё хромая, я направляюсь к ней. Она уткнулась мне в грудь, всхлипывая.

– Ну, ты чего? Всё ж хорошо!

– Прости, что пришлось через это пройти из-за моей глупости.

В здании мы не задерживаемся, шагаем напрямиком на улицу. Там нас уже ждёт Мария Олеговна с Серёжей на руках. Мальчик, увидев родителей, расплылся в улыбке и захлопал в ладоши. Пока Рита потянулась к сыну, дал знак Косте. Он достал из машины огромный букет чайных роз, я с трудом, но всё же опустился на колени, достал из внутреннего кармана заветную коробочку.

– Маргарита Сергеевна! – позвал я.

Рита обернулась и замерла, Мария Олеговна тут же забрала у неё Серёжу.

– Маргарита Сергеевна, моя дорогая Риточка, судьба однажды нас свела, но потом пыталась несколько раз разлучить. Ещё одного раза моё сердце просто не вынесет. Ты выйдешь за меня замуж?

Рита несколько секунд помолчала, как будто ещё чего-то ждала, но кивнула и произнесла срывающимся голосом:

– Да.

И тут всё кругом ожило, откуда-то взялись шары, хлопушки, родные бросились к нам с поцелуями и объятиями, Риту завалили цветами.

Странное, конечно, я выбрал место для предложения, но зато никто ещё до этого не додумывался, видимо, потому что я увидел, что у каждого окошка в здании суда столпился народ. Все, не стесняясь, пялились на нас.

Рита

Опять не сказал!.. Ну почему? Иногда мне кажется, что он меня любит, но в такие моменты я начинаю сомневаться. Если бы любил, неужели не сказал бы?

Обидно, я очень этого хочу: хочу знать наверняка. Спросить что ли? Нет, не стоит! Он со мной, у нас скоро родится второй ребёнок, а всё остальное «легко исправить с помощью зонта» – так, кажется, поёт Долина.

25

Борис

Наконец-то в моей душе покой. После Ритинового развода мы скромненького поженились. Раньше я думал, что свадьба будет большой и пышной, теперь же я стремился просто как можно быстрее узаконить наши отношения. Иногда самому казалось, что это стало навязчивой идеей. Я безумно боялся её снова потерять.

Отец и Соня, которые окружили мою семью заботой, всё-таки организовали небольшой банкет для избранного круга. Отец же настоял, чтобы я на торжество пригласил мать. Нехотя, но я это сделал. Рита рассказала об их встрече, и заверила, что мать меня любит, просто чувствует вину за испорченное детство. Я не возлагал больших надежд на встречу с этой женщиной (иначе уже и не мог её называть), по большому счёту детские обиды отошли на второй план, её за всё простил, просто не мог понять.

Нам было уютно и удобно в доме Захаровых, Серёжа всегда был под присмотром Сони, если было нужно. Но наша неудержимая страсть иногда требовала выхода в самый неподходящий момент, поэтому, как не упрашивали родственники, мы всё же решили переехать от них. Тогда отец предложил поселиться в его квартире, которая находилась недалеко от клиники. Мы с Ритой не хотели в очередной раз обидеть отца, поэтому согласились на этот вариант.

В нашу первую брачную ночь, которую решили провести именно в этой квартире, мы остались одни, Соня ничего не хотела слышать о том, что Серёжа сегодня должен быть с родителями.

Эта дама нас не переставала удивлять, в ней было много энергии, которую она тратила на близких. Иногда от этого становилось неловко, но Сонечка однажды мне сказала: «Боречка, я столько лет мечтала стать матерью, но ничего не вышло, не лишай меня возможности стать хотя бы тётей». Я не знал, что ей ответить, только обнял крепко и поцеловал в щёку.

Сегодня в квартире всё было уставлено цветами, на большой кровати в спальне из лепестков роз было выложено сердце, в гостиной же на диване лежало красивое откровенное бельё для Риты.

Мы не ожидали сюрприза, поэтому моей девочке всё было интересно, она обошла квартиру и остановилась около дивана, рассматривая бельё, провела рукой по нему, потрогала

на ощупь. Я подошёл к ней ближе, улыбнулся, разжал руку и тихо произнёс:

– Оно нам сегодня не понадобится.

– И правда, зачем оно нам сегодня, – улыбнулась она в ответ.

В этот момент раздался звонок в дверь. Я как настоящий молодожён не мог дожидаться, когда же останусь со своей новобрачной наедине, поэтому был немного раздражён из-за столь неуместного вторжения.

– Кто это может быть? – удивились мы. Близкие, думаю, не стали бы нас беспокоить в такой день без особой нужды.

Открыл дверь, на пороге стоял посыльный. Он передал огромный букет роз и конверт. Я расписался в его бумагах и растерянно уставился на имя адресата, написанное на конверте.

Надо сказать, Екатерина Борисовна, нерадивая моя мать, всё же не приехала поздравить сына, вместо этого прислала огромный букет белых роз и конверт, в нём находилась банковская карта на моё имя с внушительной суммой на счёте.

– Откупилась, – я покрутил карту в руках.

Сначала хотел выкинуть её в мусорное ведро, но потом решил открыть счёт на имя Серёжи и перечислить деньги на него.

Рита подошла ко мне сзади, погладила сначала плечи, потом провела рукой вдоль позвоночника, обвила руками талию и уткнулась лицом в спину, вдыхая мой запах.

Мы так постояли какое-то время, я повернулся в её объятиях, пристально посмотрел в глаза. Моя красавица была сегодня особенно хороша, наряд невесты ей был к лицу: длинное белое платье в пол, корсет с вырезом в форме сердечка плотно облегал ещё стройную фигуру, полностью открытый верх подчёркивал линию плеч. На шее поблёскивало красивое кольцо, подаренное моим отцом.

Я в очередной раз обвёл взглядом невесту: взял её правую руку в свою, погладил золотой ободок на безымянном пальце.

– Риточка, любимая моя, пообещай, что мы всегда будем вместе.

– Что? Что ты сказал?

– Пообещай, что мы всегда будем вместе.

– Нет! – всхлипывая, вскрикнула Рита, – как ты меня назвал?

Я немного растерялся.

– Риточка, любимая! Что с тобой?

Из глаз Риты побежали слёзы:

– Наконец-то... ты правда меня любишь?

– Конечно, с нашей первой встречи...

– Почему ты никогда мне об этом не говорил?

Я пожал плечами:

– Боялся, что ты посмеёшься надо мной.

– Глупый, – Рита погладила меня по щеке, – я уже несколько лет жду, когда же ты сможешь меня полюбить, потому что

давно и безнадежно сама тебя люблю! – выдохнула она мне в губы.

Слова любви в эту ночь не уставали слетать с наших губ. Какие же мы бываем недальновидные, и для простого человеческого счастья иногда не хватает просто откровенного разговора и признания в своих чувствах.

Мы кое-как избавились от платья. Оно смотрелось на моей невесте шикарно, но когда ты уже готов на все двести процентов исполнить супружеский долг, оно ужасно мешает.

Риточка очень соблазнительно выглядела в белых чулочках, поэтому, когда она потянулась, чтобы их снять, я перехватил её руку, поцеловал пальчики, подхватил её на руки и отнёс на кровать. Бросил в самое «сердце», и принялся быстро сам раздеваться.

Я провёл пальцами от кончиков её пальцев до резинки чулочка, которая удерживала его на прелестной ножке, остановился, посмотрел на жену, она прикрыла глаза. Вдруг я услышал её шёпот:

– Скажи...

Мне не надо было уточнять, о чём она хочет слышать.

– Я люблю тебя, моя девочка, я никого так безумно не любил до боли в горле, до тошноты от осознания, что могу тебя потерять...

Сил больше не было на разговоры, только желание.

Наконец-то опустился к тому месту, где заканчивался чулок, провёл языком вверх, раздвигая шире ножки моей лю-

бимой. Маленькие белые трусики насквозь промокли. Она меня хочет!

Я стянул эту ненужную деталь гардероба и поцеловал припухшие губки, Рита застонала, я принялся посасывать её клитор, сам возбуждаясь ещё больше, хотя понимал: куда уж больше!

Вибрация прошла по её телу волной. Разрядка была такой сильной, что Рита даже пропустила момент, когда я проник в неё пальцами. Новая порция ласки была для неё скорее болезненной, но я принялся настойчиво ласкать и, когда вторая волна экстаза была готова обрушиться на Риту, я резко вошёл в неё и застонал от удовольствия.

– Моя... – прерывающимся голосом прошептал я, – жена...

Рита в очередной раз взорвалась подо мной, вцепилась в плечи, мотая головой из стороны в сторону и сжимая мой член. В этот момент я почувствовал, как сознание разорвало мощной волной дикого экстаза. Вот оно, истинное наслаждение, от которого трясёт всё тело и выплёскивается семя внутри неё, быстрыми толчками догоняя вспышки оргазма.

Мой мир разделился на до и после: до Риты я просто спал с женщинами, потому что так требовала моя мужская физиология, с появлением Риты в моей жизни количество стало неважным, главное, с кем! Отныне я мог получить удовольствие только с моей любимой девочкой.

Теперь я точно уверен: всё у нас будет хорошо!

Борис

Мы женаты уже семь месяцев, я могу однозначно сказать, что это самые счастливые дни моей жизни. Все чувства наружу, но мне не доставляет это никакого дискомфорта, наоборот, я всегда мечтал так жить. Говорить, что чувствую и думаю, и очень важно для меня было то, что Рита поступала также.

Приближались роды, но наша страсть никуда не делась.

Я старался не оставлять жену одну дома, если был в клинике, обязательно у нас находилась Соня, хотя Рита всячески этому вначале сопротивлялась, всё же прислушалась к мнению моего отца, который просто попросил не волновать его больное сердце. Это походило немного на шантаж, но для Маргариты Александр Владимирович был именно тем человеком, чьё мнение она считала непререкаемым.

Я только вернулся домой из клиники, где проводил достаточно много времени, но ещё был не готов возглавить её, как хотел отец, потому что семья для меня сейчас была на первом месте.

Сонечка снова забрала Серёжу в гости к деду. Я сам удивлялся, как быстро Захаровы стали моей настоящей семьёй. Отец был активен, не бросал клинику и даже снова приступил к операциям. Сонечка однажды сказала: «Это вы подарили ему жизнь». Помню, я не мог проглотить комок в горле и в очередной раз мысленно высказал претензию своей ма-

тери, которая лишила меня отца и детства. Как хорошо, что всё-таки мы встретились.

Я проводил Соню с сыном до такси и поднялся в квартиру, Рита что-то готовила в кухне, я подошёл к ней. Обнял её сзади, погладив наш большой животик.

– Хочешь фреш? – Рита протянула стакан, разворачиваясь в моих руках, я только помотал головой.

Жена выпила сок из стакана, оставляя маленькие оранжевые усики, я улыбнулся и наклонился слизать их с её верхней губы. Рита тут же вытащила рубашку из брюк и проникла к моему телу, поглаживая грудь и задевая соски.

– Эй, Ритуля, притормози.

– Что такое? – ословело моргнула моя девочка. Её синие, как небо, глазки сейчас были мутными от желания.

– Девочка моя, ты не забыла, что нам со дня на день в роддом ехать.

– Не говори глупости! Это никак не помешает нашей малышке.

Я облизнул губы, взвешивая все за и против, но Рита одним ловким движением расстегнула ширинку на моих брюках и запустила свою шаловливую ручонку в штаны. Она провела пальчиками вдоль подрагивающего члена, потом обхватила его... И я забыл о сопротивлении, в голове среди «каши» была только одна мысль: «Я безумно хочу свою любимую девочку!»

– Я осторожно... – выдохнул ей в лицо

– Да как угодно! Только скорее, я уже терпеть не могу...

Рита повернулась ко мне спиной, так как с недавних пор это была чуть ли не единственная возможная для нас позиция, большой животик давал о себе знать. Но сразу переходить к главному я был не готов. Усадил жену на стол, дёрнул вверх тунику, оголяя живот, поцеловал его и потянул лифчик, высвобождая грудь. Со стоном втянул соски по очереди в рот, они стали очень чувствительными, но я знал, что Рите нравится, когда я их сосу, поэтому я не отказал себе в удовольствии, при этом я ощутил во рту сладкие капельки её молока.

Немного выждал и забрался к ней в трусики, лаская чувствительный бугорок, при этом у самого уже из глаз чуть ли не искры сыпались от сдерживающегося желания. Когда Рита была на пределе, я всё-таки нашёл силы осторожно спустить её со стола, развернул к себе спиной и нежно вошёл в неё. Беременность сделала её более тесной, поэтому кончили быстро, шумно и вместе.

Подрагивая от удовольствия и слабости, я вышел из любимой, подхватил её на руки, и хоть она и запищала, как всегда, что очень тяжёлая, всё равно понёс её на руках в душ.

– Своя ноша не тянет, – прошептал ей в ушко, – я готов носить моих девочек на руках до конца своей жизни.

Рита только улыбнулась в ответ. В душевой в раздел её, потом разделся сам, помыл нас обоих. Рита в душе разомлела, я её сам вытер, надел ей огромный халат и унёс в спаль-

ню, где она тут же заснула.

– Спи, любимая, – я погладил жену по голове, укрыл пледом, посидел немного рядом и ушёл в кабинет.

Буквально через полчаса я услышал, что Рита встала с кровати, а через минуту я услышал её вопль:

–Боряяаяя!

Я прибежал в спальню, Рита стояла посреди комнаты, а около неё была огромная лужа.

– Мы рожаем, – невозмутимо произнесла жена.

В этот раз мы всё прошли вместе, держась за руки. Я мечтал забрать всю боль себе, но что я могу сделать?! Единственное о чём я в очередной раз пожалел, это только о том, что когда на свет появился Серёжа, меня не было рядом. Зато нашу малышку я первый взял на руки, может, это и странно со стороны смотрелось, я нисколько не стеснялся, когда из глаз от нежности и любви к моим девочкам, покатались слёзы.

Это не слабость – это счастье!

– Ты подарила мне три жизни, – прошептал я жене, целуя столь любимое и дорогое лицо.

– Всего две, – улыбнулась Рита.

– Нет, до тебя я не жил, существовал, ты подарила мне жизнь.

Конец